

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Гуманитарно-педагогический институт
(наименование института полностью)

Кафедра «Теория и практика перевода»
(наименование)

45.03.02 Лингвистика
(код и наименование направления подготовки / специальности)

Перевод и межкультурная коммуникация
(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему Достижение адекватности при переводе эссе с английского на
русский язык

Обучающийся

А. Г. Авагян

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

к. пед. н. Н. В. Аниськина

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Аннотация

Актуальность бакалаврской работы определяется растущим интересом к эссе как к средству выражения авторского стиля и инструмента влияния на читательскую аудиторию.

Объектом исследования являются тексты публицистических эссе на английском языке различных авторов, предметом – приемы достижения адекватности при переводе текстов с английского на русский язык.

Цель работы – проанализировать приёмы достижения адекватности при переводе текстов публицистических эссе с английского на русский язык.

Для реализации данной цели необходимо решить следующие задачи: дать определение понятия «эссе» и рассмотреть его ключевые характеристики; классифицировать виды эссе; дать определение и раскрыть сущность понятий «стратегия перевода», «предпереводческий анализ текста», «аналитический вариативный поиск», «анализ результатов перевода», «переводческая трансформация», «адекватность перевода»; провести предпереводческий анализ текстов публицистических эссе; описать приемы достижения адекватности в процессе перевода публицистических эссе с английского на русский язык.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка используемой литературы и используемых источников, приложения. В первой главе рассматривается жанр эссе в контексте публицистического стиля, описывается процесс достижения адекватности при переводе с английского на русский язык. Вторая глава посвящена предпереводческому анализу текстов эссе и анализу приемов достижения адекватности при переводе эссе с английского на русский язык.

Список используемой литературы и используемых источников содержит 49 источников, включая 13 источников на иностранном языке.

В приложении представлены оригинал и перевод текстов эссе онлайн-журналов «Identity Theory» и «theguardian» с английского на русский язык.

Общий объем работы составляет 46 страниц.

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Публицистическое эссе и проблемы перевода.....	7
1.1 Жанр эссе в контексте публицистического стиля	7
1.2 Достижение адекватности при переводе с английского на русский язык.....	14
Глава 2 Анализ перевода публицистических эссе с английского на русский язык	22
2.1 Предпереводческий анализ публицистических эссе	22
2.2 Приемы достижения адекватности при переводе публицистических эссе с английского на русский язык.....	29
Заключение	39
Список используемой литературы и используемых источников.....	42
Приложение А_Оригинал и перевод текстов эссе с английского на русский язык онлайн-журналов «Identity Theory» и «theguardian»	47

Введение

Эссе представляет собой актуальный жанр. Многие писатели, публицисты, а также ученые и общественные деятели предпочитают именно эссе, поскольку оно предоставляет возможность авторам выразить свои мысли, чувства и наблюдения, проанализировать события.

Жанр эссе занимает уникальную позицию в мире публицистики, так как позволяет проводить исследования и размышления без строгих рамок. Язык эссе отличается доступностью, свободой и выразительностью, а уникальность автора делают эссе оригинальным. Актуальность данного исследования определяется растущим интересом к эссе как инструменту влияния на читательскую аудиторию. В условиях современного информационного общества, где тексты занимают центральное место в формировании общественного мнения, анализ стилистических особенностей эссе становится значимым для осознания механизмов воздействия языка на восприятие информации. Лингвостилистический анализ позволяет выявить специфику использования языковых средств, что способствует более глубокому пониманию жанра и его роли в публицистике.

Объектом данного исследования выступают тексты публицистических эссе на английском языке различных авторов.

Предметом исследования являются приемы достижения адекватности при переводе текстов с английского на русский язык.

Цель исследования заключается в анализе приёмов достижения адекватности при переводе публицистических эссе с английского на русский язык.

В соответствии с целью исследования в работе необходимо решить следующие конкретные задачи:

- дать определение понятия «эссе» и рассмотреть его ключевые характеристики;
- классифицировать виды эссе;

- дать определение и раскрыть сущность понятий «стратегия перевода», «предпереводческий анализ текста», «аналитический вариативный поиск», «анализ результатов перевода», «переводческая трансформация», «адекватность перевода»;
- провести предпереводческий анализ текстов публицистических эссе;
- описать приемы достижения адекватности в процессе перевода публицистических эссе с английского на русский язык.

Для решения поставленных задач были использованы следующие методы исследования:

- методы анализа и синтеза, с помощью которых был собран и обобщен теоретический материал по исследуемой теме, а также подведены итоги исследования;
- описательно-аналитический метод, позволивший проанализировать перевод текстов из онлайн-журналов «Identity Theory» и «theguardian»;
- сравнительный метод, позволивший сравнить наблюдения, полученные при анализе эссе;
- метод предпереводческого анализа.

Апробация работы. Основные положения и выводы данного исследования апробированы на научно-практической конференции «Дни науки в ТГУ», 24 апреля 2025 года, секция «Лингвистика и межкультурная коммуникация», и на Всероссийской студенческой конференции «Филология и лингводидактика взгляд молодых исследователей», Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, 24-25 апреля 2025 года, секция «Лингвистика и межкультурная коммуникация».

Теоретической базой исследования послужили труды И. С. Алексеевой, А. Л. Дмитриевского, Л. Г. Кайды, В. Н. Комиссарова и других.

Материалом исследования выступают пять эссе общим объемом 71112 знаков из онлайн-журналов «Identity Theory» и «theguardian» (литературные онлайн-журналы и культурные сайты, которые публикуют оригинальные статьи, интервью и другие формы творческого самовыражения).

Исследование состоит из введения, двух глав, заключения и списка используемой литературы.

Во введении обосновывается выбор темы, ее актуальность, определяются объект и предмет исследования, характеризуются цели, задачи, методы и структура данной работы.

В первой главе «Публицистическое эссе и проблемы перевода» рассматривается жанр эссе в контексте публицистического стиля, описывается процесс достижения адекватности при переводе с английского на русский язык. Вторая глава «Анализ перевода публицистических эссе с английского на русский язык» посвящена предпереводческому анализу эссе на английском языке и приемам достижения адекватности при переводе публицистических эссе с английского на русский язык.

В заключении обобщаются результаты данного исследования.

Список используемой литературы и используемых источников насчитывает 49 работ.

Приложение включает в себя оригинал и перевод текстов эссе онлайн-журналов «Identity Theory» и «theguardian» с английского на русский язык.

Глава 1 Публицистическое эссе и проблемы перевода

1.1 Жанр эссе в контексте публицистического стиля

Стилистика — «вечно молодая наука, живо отзывающаяся на все изменения в обществе, активно внедряющая различные достижения смежных областей знания и активно реагирующая на все социальные и технологические изменения в обществе» [8, с. 61]. Как наука о средствах речевой выразительности и о закономерностях функционирования языка, стилистика рассматривает наиболее целесообразное использование языковых единиц в зависимости от содержания, высказывания, целей, ситуации и сферы общения [19, с. 223].

Основным понятием стилистики является «стиль», и при анализе подходов к его содержательному наполнению необходимо в первую очередь подчеркнуть его использование в языкознании. В. В. Виноградов трактовал стиль как «общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» [12, С. 3–19]. Также стиль подразумевает набор морфологических, лексических или синтаксических особенностей тех языковых единиц, что выбираются в определенной речевой ситуации для конкретной прагматической цели. «В разветвленной сложной смысловой структуре полисемантической лексемы «стиль», объединяющей в себе разные уровни абстракции, отдельные ее значения находятся семантически в иерархических отношениях друг к другу, конкретизируются определенным семантическим контекстом» [16, с. 11].

Функциональные стили речи принято делить на следующие основные группы [22, С. 61–62]:

- деловой,
- научный,
- художественный,
- публицистический,
- разговорный.

В целом «понятие публицистического стиля формируется из языка печатных изданий, таких как газеты и общественно-политические журналы, а также из языка докладов, речей и бесед на политические и другие актуальные темы. Имеющие значение для сферы политики сообщения о событиях и явлениях, происходящих в иных областях жизни общественности, прежде всего в экономике и культуре, также можно отнести сюда» [7 с. 167]. Толковый словарь С. И. Ожегова и М. И. Скуленко трактуют «публицистику» именно так: «литература по общественно-политическим вопросам современности» [25] и «литература, освещающая злободневные вопросы общества и политики» [29].

Публицистический стиль представляет собой «многофункциональную разновидность литературного языка, которая включает в себя лексику языка, начиная с научных терминов и заканчивая разговорной речью» [9, с. 389]. Используя эмоционально насыщенную лексику и средства выразительности языка, авторы способны наиболее эффективно акцентировать внимание на актуальных проблемах и передать свою точку зрения [23, С. 412–414]. Следовательно, самые важные функции публицистического стиля – передача информации о важных проблемах общества и выражение мнения автора по этим проблемам и воздействие на аудиторию.

В наше время публицистический стиль играет ключевую роль как ориентир и регулятор речи, а публицистические тексты приобретают особую значимость, поскольку они в компактной форме освещают разнообразие возникающих проблем, доступны широкой аудитории, охватывают практически все социальные группы и служат эффективным инструментом воздействия на умы и чувства людей [5, с. 380].

Публицистические тексты представляют собой особую форму письменной речи, которая широко используется в журналистике. Е. С. Щелкунова считает, что публицистический текст «всегда является «авторским», независимо от того, насколько явно субъект высказывания присутствует в ткани текста. Читатель получает в нем факты и их интерпретацию, даже если она будет выражаться просто в отборе информации» [34, с. 194].

Публицистические тексты характеризуются точностью, логичностью, официальностью, стандартизацией, актуальностью, остротой и яркостью изложения, а также поиском новых языковых средств, открытым выражением авторской позиции и широким использованием устоявшихся выражений. Также такие тексты отличает сочетание стандарта и экспрессии, индивидуальность, жанровое разнообразие, ориентированность на мысль и факт, массовость, доступность, выразительность и убедительность языка. Стилистические приемы, применяемые в таких текстах, играют важную роль в формировании восприятия и понимания контента читателями. Среди них можно выделить метафоры, олицетворения, метонимии, ирония, перифразы, эпитеты, сравнения и аллюзии.

Публицистические тексты часто затрагивают актуальные темы, интересующие большое количество людей, а эссе предоставляет автору возможность выразить свои мысли, чувства и переживания. Чтобы добиться совершенного понимания такого текста на переводящем языке, перевод должен не только точно передавать содержание оригинала, но и сохранять его стиль, личный тон автора, ключевые аспекты, подтексты, нюансы и контекст. Важно, чтобы эмоциональная насыщенность текста была передана таким образом, чтобы читатель мог испытывать аналогичные чувства, как и при чтении оригинала.

Обычно жанры публицистического стиля включают в себя различные группы, которые освещают актуальные события, и комментарии, которые анализируют их глубже:

- информационные (заметка, репортаж, интервью, отчет);
- аналитические (беседа, статья, корреспонденция, рецензия, обзор, обозрение);
- художественно-публицистические (эссе, очерк, фельетон, памфлет) [33].

Также существуют разговорные разновидности стиля, особенно ораторские подстили. Развитие радио и телевидения, например, привело к появлению нового разговорного стиля: радио- и телекомментария. Другие типы – это эссе и статьи, публикуемые в газетах, журналах и литературных сборниках. В любом случае «жанр эссе остаётся одним из самых продуктивных жанров, и к нему обращаются многие писатели и публицисты, а также научные и общественные деятели» [3, с. 251].

В последние годы наблюдается «возрождение гуманитарного мышления, и эссе играет важную роль в его развитии» [17, с. 19]. Эссе становится своего рода интеллектуальным ускорителем, быстро распространяясь по всему медиа пространству. Оно выступает в качестве инструмента, расширяющего познание умственных способностей человека, иногда даже приобретая черты деловой литературы. А. Л. Дмитриевский считает, что популярность и растущий интерес жанра эссе обусловлен разными социокультурными причинами: общим кризисом проблемы «человека в истории», разрушением «советской империи», возросшим интересом общества к «конкретному, живому человеку», его «личному, честному, не ангажированному» слову [15, с. 49].

Оксфордский словарь определяет эссе как «короткое сочинение на определенную тему» [44], а толковый словарь С. И. Ожегова – как «прозаическое сочинение небольшого объема и свободной композиции на частную тему, трактуемую субъективно и обычно неполно» [25]. А. Эльяшевич трактует эссе как «способ рассказать о мире через себя и о себе с помощью мира» [35, с.19]. По мнению Фредерика Крюса, профессора английского языка Калифорнийского университета в Беркли, эссе – это

«довольно краткое произведение нехудожественной литературы, которое пытается донести свою мысль интересным способом» [39]. Известный эссеист Олдос Хаксли, в свою очередь, отмечает, что «эссе – это литературный прием, позволяющий сказать почти все почти о чем угодно», и делит эссе на личностно-биографические, объективно-фактические и абстрактно-универсальные [36].

Таким образом, суммируя данные определения эссе, мы можем дать следующее универсальное определение: публицистическое эссе – это короткое литературное произведение, в котором автор излагает свои мысли по какому-либо вопросу или теме и которое характеризуется глубиной и остротой анализа, часто носит рефлексивный, философский или критический характер. Более того эссе можно рассматривать как инструмент для выражения мнений, анализа событий и формирования общественного мнения, оно позволяет автору выражать индивидуальность и уникальность взглядов на окружающую действительность, быть услышанным в широком кругу читателей, влиять на восприятие актуальных проблем, а также говорить от первого лица, делиться личными наблюдениями и переживаниями, что создает неповторимый стиль и делает каждое эссе уникальным.

В мире публицистики эссе занимает особое место, целью которого, по мнению О. Б. Вайнштейн, является следующее: «...Главное – активировать мышление читателя, пробудить в нем чувство удивления, независимость мысли и, в конечном итоге, стремление к самовыражению» [11, с. 217]. Также эссе синтезирует отличительные черты не только самой публицистики, но и других функциональных стилей, оно может быть основано на предположениях (исследованных или обоснованных мнениях, включающих ряд фактов) или субъективно (основано на мнениях) с точки зрения языка, восприятия и опыта, а также интерпретации мира.

Среди стилистических особенностей эссе выделяются следующие:

- явная авторская интенциональность, которая проявляется в четком выражении намерения при выполнении определенных действий;
- применение последовательности обоснований в процессе развертывания текста, где основным инструментом организации информации и воздействия на читателя становится стратегия логической аргументации;
- объективно-субъективный метод организации информации;
- апеллятивность, поскольку эссеист стремится оказать влияние на читателя, вызывая у него определённую реакцию.

В эссе нет строгих правил по структуре или формату, что дает автору творческую свободу для выражения своих мыслей. Язык эссе часто носит «эмоциональный окрас, позволяя автору выразить свои чувства и отношение к теме» [13, с. 21]. Таким образом, эссе можно разделить на формальные и неформальные. Формальные эссе характеризуются структурированностью, использованием более формального языка и четко определенной целью, что контрастирует с более свободным и личным тоном неформальных эссе.

По способу и характеру изложения эссе делят на такие виды:

- аргументированное эссе,
- описательное эссе,
- эссе на историческую тему,
- эссе-рассуждение,
- критическое эссе.

В аргументированное эссе «делается попытка обосновать противоречивую точку зрения, защитить смысловую позицию, в плане которой обнаруживается несколько мнений» [10, с. 81]. Задача данного вида эссе – убедить читателя с помощью убедительных логических рассуждений и достоверных доказательств с соответствующими примерами. Для этого необходимо сформулировать четкий тезис, представить хорошо изученные

доказательства и соблности «аналитический стиль письма, соотнести самые разные точки зрения на проблему, выдвинуть спорные аргументы, создать логистические конфликты» [43], если таковые имеются. Аргументированное эссе – обычное задание для таких предметов, как политика, этика и социальные науки, где ведется много споров на разные темы.

Описательные эссе могут носить личный характер и часто основаны на реальных событиях, но могут также быть вымышленными. Они могут включать в себя сюжет, персонажей, обстановку и кульминацию, что делает их похожими на короткие рассказы. Описательное эссе призвано создать яркую картину в воображении читателя с помощью слов. В таком эссе автор использует «подробные описания для создания четкого и впечатляющего образа, который не только представляет предмет, но и вызывает эмоции и воспоминания» [37]. Ключевыми элементами описательного эссе являются детали, которые делают текст живым и увлекательным. Например, если вы описываете пейзаж, важно не только упомянуть о его внешнем виде, но и передать атмосферу, звуки и запахи, которые его окружают.

Эссе на историческую тему рассматривает исторические события и их влияние. Этот вид требует обширного исследования и глубокого понимания исторического контекста. При его написании вам предстоит проанализировать различные исторические источники, представить четкие аргументы по теме и подкрепить их историческими свидетельствами. Исторические эссе задаются на курсах истории и помогают развить исследовательские и аналитические навыки, а также умение строить связные исторические повествования [42]. Стоит отметить, что эссе на историческую тему всегда будет написано в Past tense, так как события уже произошли.

В эссе-рассуждение больше внимания уделяется объяснению темы в прямой и логичной манере. В таком эссе вы будете приводить «факты, статистику и примеры без какого-либо личного мнения» [38]. Обычно оно строится вокруг четкого тезисного утверждения и использует логические переходы для связи идей от одного абзаца к другому. В целом, эссе-

рассуждение часто используются в академической среде, чтобы проверить понимание студентами предмета или объяснить сложные идеи простым способом.

В критическом эссе оценивается текст, произведение искусства или спектакль. Оно предполагает тщательный анализ и интерпретацию произведения, подкрепленные достоверными доказательствами. Целью критического эссе является «предложить более глубокое понимание и проницательную критику обсуждаемой работы написания» [41]. Этот тип эссе является распространенным заданием на курсах литературы, киноведения и истории искусства, где критическое мышление и аналитические навыки необходимы для изучения предмета.

Таким образом, на сегодняшний день эссе считается популярным жанром, который позволяет самовыражаться, рассуждать над определенной темой, пробуждать у читателя определенные чувства. Эссе принято делить на виды по способу и характеру изложения: аргументированное эссе, описательное эссе, эссе на историческую тему, эссе-рассуждение, критическое эссе.

1.2 Достижение адекватности при переводе с английского на русский язык

Понятие адекватности является одним из ключевых для теории и практике перевода. В 50-60-х годах, когда формировались основы современного переводоведения, адекватность рассматривалась через призму концепции перевода как абсолютного соответствия оригиналу по смыслу. В результате адекватность определялась категориями смысловой полноты и точности, что дополнялось аспектами стилистической эквивалентности.

Такие ученые, как Л. С. Бархударов, М. А. Лопатин, В. Н. Комиссаров, специализирующиеся на анализе особенностей перевода, утверждают, что неадекватный перевод может проявляться в различных недостатках, начиная

от незначительных стилистических ошибок и заканчивая наиболее серьезными проблемами – искажением смысла. В этот же период, на фоне прогресса в области машинного перевода, была предпринята попытка разработать формализованные и в то же время эффективные критерии адекватности для переводов, выполненных с помощью машин. Эти критерии основывались на уровне понимания текста как носителем исходного языка, так и носителем языка перевода. Однако, поскольку они опирались исключительно на оценку восприятия, то их недостаточная надежность подверглась критике. На практике полноценный адекватный перевод оказывается невозможным из-за различий в языковых формах, существования, например, непереводимых реалий и фразеологических оборотов, которые не имеют эквивалентов в переводящем языке.

Адекватность представляет собой «некий весьма расплывчатый термин, обозначающий высокую степень передачи всех элементов и форм оригинала на переводящем языке» [14]. Как отмечает В. В. Сдобников, адекватность перевода необязательно предполагает точное воспроизведение коммуникативного потенциала исходного текста. Поскольку один и тот же текст может и должен переводиться по-разному в зависимости от конкретной коммуникативной ситуации, адекватность определяется соотношением исходного и конечного текстов, при котором последовательно учитывается цель перевода (К. Райс и Г. Вермеер), или степень соответствия цели, для которой осуществляется перевод [28, с. 168], или, как пишет В. Н. Комиссаров, соответствием перевода специфическим требованиям межкультурной коммуникации, что предоставляет возможность для свободного выбора методов и подходов в процессе перевода [21, с. 253]. Я. И. Рецкер также не говорит о полном воспроизведении оригинала: «Поскольку критерием адекватности может быть лишь соответствие частице действительности, описанной в оригинале, равноценность средств определяется если не тождеством, то максимальным приближением полученного результата к воздействию оригинала. Анализ любого перевода,

выполненного на высоком уровне мастерства, показывает, что основа установления равноценности языковых средств может быть только функциональная, а не формальная» [27, 38 с.]. Другими словами, высококачественный перевод должен стремиться к максимально близкому воспроизведению воздействия оригинального текста.

В некоторых случаях термин «адекватность» рассматривается как синоним термина «эквивалентность». Например, Дж. Кэтфорд определяет переводческую эквивалентность как адекватность перевода [47]. Однако существует иная точка зрения, согласно которой эквивалентный и адекватный перевод не являются идентичными понятиями, хотя и имеют тесную взаимосвязь. Адекватный перевод понимается как «качественный» перевод, который обеспечивает требуемую полноту межъязыковой коммуникации в конкретных условиях.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно дать одно универсальное определение, что адекватный перевод рассматривается как «качественный» перевод, при котором последовательно учитывается цель перевода, который обеспечивает высокую степень передачи всех элементов и форм оригинала на переводящем языке, и который соответствует требованиям и условиям конкретного акта межъязыковой коммуникации.

Процесс перевода представляет собой серию действий, которые выполняет переводчик для создания переводного текста и сохранения структуры исходного текста, включая введение, тезисы, аргументацию и заключение. Процесс перевода включает предпереводческий анализ, сам процесс перевода и редактирование, требует от переводчика всестороннего подхода и глубокого понимания, что подчеркивает важность адекватности как основного критерия оценки качества перевода.

На начальном этапе процесса перевода, после анализа исходного текста и определения цели перевода, переводчик выбирает стратегию перевода. Выбор стратегии перевода тесно связан с понятием адекватности перевода, поскольку он напрямую влияет на оценку его соответствия оригиналу.

Под переводческими действиями подразумевается «комплекс определенных действий, позволяющих осуществлять перевод, тогда как переводческая стратегия означает определенный алгоритм действий, который осознано подбирается переводчиком для перевода одного определенного текста, либо текстов, объединенных в группы» [32, с. 365].

Понятие стратегии перевода играет одну из ключевых ролей в теории и практике перевода. Прежде всего, определение стратегии перевода является важным на этапе обучения, так как это способствует структурированию теоретических знаний о переводе, их соотнесению с практическими навыками и планированию процесса перевода. Более того, выбранная стратегия перевода существенно влияет на качество итогового текста, поскольку именно на этапе анализа оригинала и планирования переводческой деятельности переводчик в значительной степени формирует качество будущего перевода.

В. Н. Комиссаров считает, что стратегия перевода это – «своеобразное переводческое мышление, которое лежит в основе действий переводчика и вырабатывает три основных группы принципов осуществления процесса перевода, которые составляют основу переводческой стратегии, а именно: некоторые исходные постулаты, выбор общего направления действий, которыми переводчик будет руководствоваться при принятии конкретных решений, и выбор характера и последовательности действий в процессе перевода» [20, с.356–357.]. По мнению И. С. Алексеевой, стратегия перевода – «это осознанно выбранный переводчиком в ходе экспертной коммуникативной деятельности алгоритм его действий, направленных на создание продукта – текста перевода, с обязательным учетом профессиональной этики переводчика» [2, 184 с.].

И. С. Алексеева подразделяет переводческую стратегию на три основных этапа: предпереводческий анализ текста, аналитический вариативный поиск, анализ результатов перевода [1, С. 324—335].

Предпереводческий анализ текста играет значительную роль в процессе перевода, он помогает переводчику лучше понять содержание текста и подготовиться к переводу. Анализ способствует более глубокому пониманию исходного текста переводчиком, а также помогает определить наиболее подходящую стратегию для адекватной передачи содержания на другой язык.

Как указывает М. А. Тетенова, «предпереводческий анализ и переводческая стратегия не только не являются исчерпывающими составляющими описания переводческого процесса, но образуют сложную систему процесса осуществления перевода» [30, с. 12].

Согласно схеме И. С. Алексеевой, предпереводческий этап включает в себя сбор внешних данных, определение состава информации и ее плотности, определение коммуникативной цели или коммуникативного задания текста, определение речевого жанра исходного текста. Предпереводческий анализ позволяет более глубоко понять контекст и смысл и впоследствии требует от переводчика постоянного сопоставления перевода с оригиналом. Схема И. С. Алексеевой отличается целостным подходом, учитывает все аспекты текста, что способствует предотвращению ошибок при переводе и повышению качества перевода.

На этапе аналитического вариативного поиска переводчик уже обладает информацией о типе текста, его типологических характеристиках и ключевых аспектах, что позволяет сузить круг поиска оптимального варианта перевода и облегчает выбор переводческой единицы, а также типа и вида переводческого соответствия.

Аналитический вариативный поиск осуществляется на этапе практической реализации перевода и включает в себя выбор наиболее подходящих синонимов и вариативных эквивалентов первичного языка, по сути, процесс перевода – это и есть «поиск оптимальных переводческих решений, вариантов перевода» [18, с. 14]. Этот этап ориентирован на формирование терминологического и лексического единства создаваемого

текста [31]. Если в оригинале используется специфическая терминология, переводчик должен найти соответствующие термины на целевом языке или дать объяснение их значения в тексте. Создание нового термина применяется в тех случаях, когда в переводящем языке отсутствует соответствие определенного термина. Данный прием наиболее часто применяется к терминам-неологизмам, где переводчику предстоит решить сложную задачу, заключающуюся в необходимости «сохранить все характеристики оригинального термина при создании нового термина с учетом правил и норм русского языка» [24, с. 126]. Таким образом, для «достижения переводческой адекватности перевода вопреки расхождениям в формальных и семантических системах двух языков» [2, с. 240] переводчик может использовать переводческие трансформации.

По словам Л. С. Бархударова, «переводческие трансформации – это те многочисленные и качественно разнообразные преобразования, которые осуществляются для достижения переводческой эквивалентности («адекватности») перевода вопреки расхождениям в формальных и семантических системах двух языков» [6, с. 190]. В свою очередь В. Н. Комиссаров считает, что «переводческие трансформации – это преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода в указанном смысле. И, поскольку переводческие трансформации осуществляются с языковыми единицами, имеющими как план содержания, так и план выражения, они носят формально-семантический характер, преобразуя как форму, так и значение исходных единиц» [21, с. 172].

В рамках классификации трансформаций, предложенной В. Н. Комиссаровым, выделяются несколько типов, среди которых особое внимание уделяется лексическим трансформациям. К ним относятся формальные преобразования (транскрипция, транслитерация и калькирование), а также лексико-семантические замены (конкретизация, генерализация и модуляция). Кроме того, грамматические трансформации

(например, дословный перевод, синтаксическое уподобление, грамматические замены и членение предложения) и лексико-грамматические трансформации (экспликация, антонимический перевод и компенсация) также являются неотъемлемой частью переводческой практики. Каждая из этих трансформаций применяется в зависимости от типа текста, его стиля, целевой аудитории и других факторов.

При переводе также необходимо учитывать культурные различия между исходным и переводящим языками. Переводчику необходимо принимать во внимание культурные особенности, традиции и обычаи, чтобы точно передать смысл и контекст оригинала. Это требует не только глубокого знания языковых структур, но и высокой культурной осведомленности, что, в свою очередь, способствует более качественному и адекватному переводу.

Несмотря на большое количество различных приемов перевода, важно учитывать, что «переводчик достигает адекватности при выражении смыслового содержания ИТ в ПТ» [26, с. 98]. При переводе текста необходимо обращать внимание не только на лексическое значение слов, но и на контекст, культурные особенности и стилистические нюансы оригинала. Важно также учитывать, что «высокая эмоциональность и экспрессивность привносят в эссе образность, которая реализуется с помощью различных стилистических приемов» [4, с. 96] и которая должна сохраняться в тексте перевода.

Анализ результатов перевода представляет собой последний этап переводческой стратегии. И. С. Алексеева подчеркивает, что следует проверить текст перевода на предмет формальных ошибок, таких как пропущенные буквы и опечатки. Затем осуществляется оценка стиля, выявляются стилистические недостатки и другие недочеты, что подразумевает редакторскую правку переведенного текста. Этот этап направлен на улучшение перевода.

Таким образом, использование различных переводческих трансформаций может способствовать адекватности перевода.

Выводы по первой главе

В рамках первой главы было установлено, что эссе классифицируется по способу и характеру изложения на несколько видов: аргументированное, описательное, эссе на историческую тему, эссе-рассуждение и критическое эссе.

Адекватность перевода является соответствием перевода специфическим требованиям межкультурной коммуникации, или соответствием между исходным и конечным текстами, при этом учитывается цель перевода.

Стратегия перевода делится на три основных этапа: предпереводческий анализ текста, аналитический вариативный поиск, анализ результатов перевода. На этапе предпереводческого анализа переводчик изучает оригинальный текст, знакомится с его содержанием, структурой и контекстом, на этапе аналитического вариативного поиска – выбирает и применяет переводческие действия, на последнем этапе – анализе результатов перевода – осуществляется проверка перевода, в процессе чего выявляются и устраняются формальные ошибки, стилистические недостатки и другие недочеты. Данная последовательность действий помогает переводчику уловить основные идеи и передать их на целевом языке. с редакторскую правку переведенного текста.

Глава 2 Анализ перевода публицистических эссе с английского на русский язык

2.1 Предпереводческий анализ публицистических эссе

Материалом исследования являются пять эссе следующих авторов: Стива Джобса, Юлы Бисс, Кевина П. Китинга, Коула Свенсена и Ричарда Грейсона, общим объемом 71112 знаков с пробелами. В этих произведениях авторы обсуждают разнообразные жизненные и философские темы. Например, один из авторов делится размышлениями о своем жизненном пути, другой анализирует расовые классификации, третий сравнивает поэзию с городом, четвертый рассказывает о своей бабушке Сильвии Гинзберг, а пятый рассматривает вопросы образования в университетах США.

Для проведения предпереводческого анализа будет использована схема И. С. Алексеевой, что позволит глубже проанализировать текст.

Стиль представленных эссе можно охарактеризовать как публицистический. Это проявляется в использовании прецизионной лексики, например, *I percent, in 1967, 150 poems, in 2000, April 15, 25 years, 99 percent*. Также в текстах присутствуют различные средства выразительности, например, сравнения «*I feel like an unknown quantity*» [46] и «*As a teenager I sometimes posed for my mother's sculptures*» [46]. Наблюдаются повторы, как в примере «*the so-called black and so-called white people of the United States*» [46], а также риторические вопросы, такие как «*Are the baby boys brothers in the eyes of the law?*» [46] и «*or two separate people who just happened to arrive in the world on the same subway car?*» [46].

Кроме того, публицистические тексты часто содержат оценочные суждения автора, что также характерно для рассматриваемых эссе. Например, в высказывании: «*As much as I believe racial categories to be fluid and ambiguous, I still know that there is nothing racially ambiguous about my features, or my bearing, or my way of speaking*» [46] выражается личная

позиция автора по обсуждаемым вопросам. Стили определяются и характеризуются за счет выбора лексики, синтаксиса, формальности, целевой аудитории, тональности. Если рассматривать эссе как публицистику, то стоит отметить, что это текст литературный труд, в котором автор выражает свои размышления по конкретному вопросу или теме. Оно отличается глубиной и остротой анализа, часто носит рефлексивный, философский или критический характер.

Предполагаемыми реципиентами являются группа, прежде всего молодежи. Также она будет интересна любому читателю, который интересуется темой о смысле жизни, расовых классификаций, поэзия, образования.

Коммуникативные цели эссе авторов различны. Например, Стив Джобс подчеркивает значимость физического и эмоционального благополучия. Юла Бисс размышляет о расовых классификациях и их социальном значении. Кевин П. Китинг делится своим мнением о качестве образования. Ричард Грейсон посвящает свое эссе истории жизни своей бабушке Сильвии Гинзберг. Коул Свенсен, в свою очередь, определяет поэзию как нечто большее, чем просто литературное искусство, рассматривая её функции через призму городской жизни. Каждое эссе представляет собой уникальное исследование различных аспектов человеческого опыта и социальных вопросов.

Немаловажный для эссе признак – это коннотативное значение, то есть выражение оттенков эмоциональной или оценочной речи, своего рода практическая информация, отражающая определенное отношение к ним, она же является ведущей, например *happy ending, cultural genocide, a superstar we can respect*.

Язык эссе часто носит эмоциональный окрас, позволяя автору выразить свои чувства и отношение к теме. В текстах эмоциональный окрас несут следующие слова: *a little joy, true inner happiness, the artist's belief in the ideal, the still more beautiful later, my life is the essence of success* и т.д.

Ведущей композиционно-речевой формой эссе является рассуждение, принимающее форму монолога, где авторы стремятся рассуждать с самим собой, постепенно развивая свою мысль, что позволяет в наиболее полной мере раскрыть личную позицию.

Состав информации включает когнитивные, эмоциональные и эстетические элементы. Несмотря на наличие когнитивной информации в текстах, преобладает эмоционально-эстетическая составляющая.

В публицистических текстах также присутствует значительное количество когнитивной информации. Она представлена в виде цифровых данных, дат, собственных имен, а также наименований организаций и учреждений и т.д. Рассмотрим когнитивную информацию в эссе: на уровне текста можно отметить объективность, выраженную через использование глаголов в настоящем простом времени (Present Simple), например, «*Sisters are only slightly more genetically similar than any other two human beings*» [46], «*Americans outwardly profess a deep devotion to individualism but secretly they crave some form of authoritarianism*» [40], «*American cities splice the illusions of billboards and advertising posters into the “real” view*» [45], «*A number of people sent in their five-dollar membership dues to join the fan club*» [49], «*as the title for a book of 150 poems on Paris published in 2000*» [45], а также на уровне слова: *1999, the New Jersey Record, the New York Times, The National Association of Black Social Workers, in 1939, the Academy Awards, 69%, Isaiah Berlin, 50%, Grandma Sylvia, in 1981, in the North Miami Convalescent Home, Eckerd Drugs, Hollywood, Florida.*

Абстрактность на уровне текста выражается через логическую организацию, которая проявляется в сложности и многообразии синтаксических структур, а также в использовании различных типов сочинительных и подчинительных связей, например, «*The story had its peculiarities, like the fact that the fertility clinic had notified the black couple that some of their embryos had been mistakenly implanted in another woman, but did not tell them anything more, so they eventually learned of the birth of their son*

through a private investigator» [46], « The young reporter who wrote this story later called me up to say she'd been expecting to interview a cuddly Jewish grandmother but instead got "someone with the sensibility of an angry, bitter punk rocker"» [49].

Рассмотрим эмоциональную информацию в нескольких предложениях: *«I reached the pinnacle of success in the business world. In others' eyes, my life is the epitome of success. However, aside from work, I have **little** joy. In the end, my wealth is **only** a fact of life that I am accustomed to. At this moment, lying on my bed and recalling my life, I **realize** that all the recognition and wealth that I took **so much** pride in have **paled** and become **meaningless** in the face of my death» [48].* В примере выделены слова, которые служат для передачи эмоций (чувств) в процессе коммуникации. Эстетическая информация представлена метафорами, эпитетами, игрой слов, а также другими стилистическими тропами, использованием невербальных знаков и фонетических стилистических средств *«it is, above all, Saussure's city» [45] (метафора), «Lorine Niedecker's condensery is a **verbal city**» [45] (метафора), «a prose poem is usually a single gesture» [45] (метафора), «Prose extends laterally filling the page's horizon unimpeded» [45] (метафора).*

Плотность информации во всех эссе низкая, на это указывает малое количество когнитивной информации, то есть специальных терминов, аббревиатур, статистических фактов, формул и других средств, которые увеличивают плотность информации.

В анализируемых эссе авторы используют разнообразные лингвостилистические приемы для передачи своих идей и переживаний, при этом каждый из них выбирает уникальную структуру и подход к изложению материала. В эссе «Relations» выделяется нестандартной структурой и многократным возвращением к ключевым темам, что позволяет глубже исследовать проблему расы и её влияние на идентичность. Автор использует личные примеры и эмоциональные обращения к читателю, чтобы создать эффект вовлеченности и сопереживания. В тексте прямо выражена авторская

оценка. Повествование ведется от первого лица, причем от лица самого автора. Авторская оценка выражена эксплицитно: «*But I don't know what that means, really*» [46], «*I feel so trapped within my identity as a white woman*» [46]. Чужая речь в тексте передается путем прямой речи, например, «*"He has two mothers," the Long Island woman said of the black baby*» [46], косвенной речи, например, «*they suggested that the likely outcome of such adoptions was «cultural genocide»*» [46], цитирования, например, «*Murray wrote in The Omni Americans, "the so-called black and so-called white people of the United States resemble nobody else in the world so much as they resemble each other."*» [46], вводных предложений: «*If both the babies had been white, I might have felt that the white woman was entitled to keep them both*» [46].

В эссе «The Diploma Mill» является аргументированным и имеет стандартную структуру, автор занимает четкую позицию по конкретной проблеме, а затем объясняет и обоснует свою позицию, используя доказательства из актуальных источников. Текст написан от первого лица, на это указывает использование местоимения я - «I», автор делится своим личным опытом и мнением относительно системы высшего образования. Он описывает свои наблюдения и чувства по поводу студентов, преподавания и в целом образования: «*I am an instructor of English at a small, private college near Cleveland, Ohio. I say this because the longer I teach, the more convinced I become that, in general, a college education takes the form of a very predictable and tedious script in which students are asked to memorize material and then regurgitate that material on an exam*» [40]. Чужая речь передана в форме косвенной речи, например, «*The New York Times suggests that 50% of Americans did not read a single book last year*», «*Bill O'Reilly claimed that college should be purely vocational rather than intellectual in nature*», «*the cocksure O'Reilly argued that literature and philosophy courses are all a big waste of time*» [40].

В эссе «Sylvia Ginsberg, Superstar» описательное эссе передает историю о бабушке автора, акцентируя внимание на его роли в её жизни и

превращении в медийную звезду. Используя элементы косвенной речи и цитаты, автор создает живую картину событий, демонстрируя, как личные истории могут служить мощным инструментом для обсуждения актуальных проблем общества. Данный тип эссе называется повествовательное эссе, что доказывается желанием автора выразить свои переживания или историю образно и без какой-либо четкой структуры. Текст написан от первого лица, на это указывает использование местоимения я - «I», автор делится историей своей бабушки и ролью, которую он совершил в ней. Автор является инициатором совершённых событий и многие решения были приняты им, например, «*I decided to make her into a media star*» [49] или «*I took her to a Miami doctor*» [49], или «*I announced the formation of the Sylvia Ginsberg International Fan Club*» [49]. Чужая речь передана в форме прямой речи, например «*“How long does she have?” I asked Dr. Reinstein while Grandma was in the other room*» [49].

В эссе «Poetry City», описательное по своему характеру, ярко иллюстрирует схожесть между поэзией и городами. Данный тип эссе называется описательное эссе, что доказывается наличием в тексте необычных метафор и сравнений, например, «*Poetry is a city of words*» [45]. Текст написан от первого лица, что позволяет автору делиться своим мнением относительно литературных понятий и устанавливать личную связь с читателем, например, «*I’m being somewhat tongue-in-cheek, but only somewhat when I say that a poem is the city of language just as prose is its countryside*» [45].

Анализ лексико-тематических и стилистических особенностей эссе Юлы Бисс «Relations», Коулы Свенсен «Poetry City», Кевина П. Китинга «The Diploma Mill» показывает, что авторы используют разнообразные тематические сетки для передачи своих идей и переживаний. В эссе Юлы Бисс ключевыми темами являются раса, семья, право, исследование и медицина, что позволяет ей исследовать проблемы расовой идентичности и социальной справедливости, например, с помощью словосочетаний из

тематической сетки «раса», таких как *racial identities* и *cultural identity*. В эссе Свенсен акцент делается на семейных отношениях и медийной культуре, где лексико-семантические поля, такие как семья и новости, помогают установить связь между личным опытом и общественным восприятием, например, через термины *celebrities* и *media star*. Китинг в своих эссе акцентирует внимание на образовании и профессии и использует тематические сетки «образование» и «профессия», например, через слова *diploma* и *accreditation*.

В представленных текстах наблюдается разнообразие стилистических приемов. В эссе «Relations», написанном в нейтральном стиле, используются эпитеты, сравнения и метафоры, такие как *bad-ass white girl* и *a really great super keen white chick*. Эссе «The Diploma Mill», оформленное в формальном стиле, акцентирует внимание на проблемах образовательной системы с помощью риторических вопросов и метафор, таких как «*infestation of intellectual apathy*» [40], что создает атмосферу беспокойства и разочарования. Эссе «Sylvia Ginsberg, Superstar» отличается неофициальным стилем, в котором разговорные выражения и юмор, как в примерах «*I grew up with a full set of grandparents*» [49] и «*But did she complain?*» [49], придают повествованию легкость и доступность. Эссе «Poetry City» включает в себя следующие средства выразительности, например, аллитерация в выражении «*shadows, shadowy explanations and shadowy emotions*» [45] создает ритмическое звучание, усиливающее восприятие текста. Олицетворение в фразе «*The urban imagination is driven more by what it cannot see than by what it can*» [45] наделяет городское воображение активностью, подчеркивая его важность в восприятии окружающего мира. Оксюморон *productive obscurity* иллюстрирует сложность восприятия как поэзии, так и городской жизни, а эпитеты *jagged skyline* и *ragged right margin* создают визуальные образы хаоса и сложности. Аллегория лабиринта символизирует запутанность поиска смысла, а метафора «*Paris becomes a map of the mind and the heart*»

[45] указывает на взаимосвязь между городом и внутренним миром человека.

Исследование показало, что тексты имеют четкую структуру, разделенную на смысловые блоки, каждый из которых выполняет определенную роль в раскрытии главной идеи. Роль субъекта повествования и авторская оценка являются ключевыми элементами, формирующими восприятие читателя и подчеркивающими эмоциональную и смысловую глубину произведения. Особое внимание уделено формам передачи чужой речи, включая прямую речь, что способствует более глубокому пониманию диалогов и монологов персонажей.

2.2 Приемы достижения адекватности при переводе публицистических эссе с английского на русский язык

Рассмотрим достижение адекватности при переводе эссе Стива Джобса («Last words»), Юлы Бисс («Relations»), Кевина П. Китинга («The Diploma Mill»), Коула Свенсена («Poetry City») и Ричарда Грейсона («Sylvia Ginsberg, Superstar») с английского на русский язык. Полные тексты оригинала и перевода представлены в Приложении А.

В результате предпереводческого анализа и анализа научной литературы, выявлено, что при переводе текстов жанра эссе важно описать приемы перевода следующих элементов:

- устоявшиеся терминов или терминов-неологизмов;
- уникальную тональность каждого автора;
- различные стилистические средства;
- культурные особенности обоих языков.

При переводе устоявшихся терминов использовался подбор эквивалентов, например:

- *custody battle* – *борьбы за право опеки* (эквивалент был подобран из онлайн-словаря woordhunt);

- *cultural genocide* – культурный геноцид (эквивалент был подобран из поисковой системы для переводов в контексте context reverso);
- *Mixed Race* – смешанная раса, метис (эквивалент был подобран из поисковой системы для переводов в контексте context reverso);
- *biological parents* – биологические родители (эквивалент был подобран из поисковой системы для переводов в контексте context reverso);
- *adjunct* – адъюнкт (эквивалент был подобран из онлайн-словаря woordhunt).

Лексические единицы, являющиеся терминами-неологизмами, переводятся посредством применения приема калькирование:

- *a social fiction* – социальная фантастика;
- *traditional antagonism* – традиционный антагонизм;
- *unsegregated schools* – интегрированных школах;
- *intellectual apathy* – интеллектуальная апатия;
- *conservative paradigm* – консервативная парадигма;
- *Anti-intellectualism* – антиинтеллектуализм.

При переводе делался упор на передаче имен собственных, названий журналов, расовых обозначений, а также названий литературных произведений, например, «*There was Nella Larsen's Passing, John Howard Griffin's Black Like Me, Eddie Murphy's Saturday Night Live skit, in which he dressed as a white man and discovered that banks give money away to white people, and, most recently, there was Black. White., a reality television show produced by R. J. Cutler and Ice Cube, an experiment that put two families, one white and one black, in a house together and used Hollywood make-up to switch their races*» [46] - Примеры включают роман «Прохождение» Неллы Ларсен, книгу «Черный, как я» Джона Говарда Гриффина, миниатюра Эдди Мерфи в *Saturday Night Live*, где он, переодевшись в белого человека, обнаруживает, что банки выдают деньги только белым людям, и реалити-шоу *Black.White*,

снятое Р. Дж. Катлером и Айсом Кьюбом, это эксперимент, где две семьи разных рас — поселились в одном доме и поменялись расами с помощью голливудского грима.

Названия журналов, как и любые имена собственные, переводить не принято, вместо этого оставляется в оригинальном написании, также применяется метод добавления, позволяющий вводить небольшие пояснения в текст перевода для достижения более точного понимания, поскольку для читателя может быть непонятно смысл иностранного слова, например, «*the New Jersey Record*» - журнал *New Jersey Record*, Recently, «*NBC Nightly News*» - Недавно на телепередаче *NBC Nightly News*, «*The famous «Doll Studies» of Mamie and Kenneth Clark*» - Психологи Мэми и Кеннет Кларк, в своих знаменитых «кукольных исследованиях», «*a man who had formally designed Sparrow and Hawk missiles for the Pentagon and was briefly married to Zsa Zsa Gabor*» [46] - человеку, ранее занимавшемуся проектированием ракет *Sparrow* и *Hawk* для Пентагона и недолгое время состоявшему в браке с *Зса Зса Габор*. Перед ним была поставлена задача сделать новую куклу Барби «менее похожей на немецкую уличную девку», и он выполнил ее, в частности, убрав детализацию сосков.

Перевод расовых обозначений требует особого внимания, поскольку важно избежать ошибок политкорректного характера, в данном случае было применено метод соответствия из онлайн-словарей «*White; Black, African American, or Negro; American Indian or Alaska Native; Asian Indian; Chinese; Filipino; Japanese; Korean; Vietnamese; Other Asian; Native Hawaiian; Guamanian or Chamorro; Samoan; Other Pacific Islander; or Some Other Race*» [46] - белокожий; чернокожий, афроамериканец или негр; американский индеец, коренной житель Аляски; индеец; китаец; филиппинец; Японец; Кореец; Вьетнамец; представитель других азиатских народов; коренные жители Гавайев; гуаманцы или чаморро; сомоане; другие жители тихоокеанских островов; или представители других рас.

Имена собственные чаще передаются посредством транскрибирования, так как не имеют соответствий на русском языке, например:

- *Mamie and Kenneth Clark* – Мэми и Кеннет Кларк;
- *Zsa Zsa Gabor* - Жа Жа Габор;
- *Oya-Yoruba* – Ойи-йорубская;
- *Ralph Regula* – Ральф Регула;
- *Marie Claire Bancquart* – Мари-Клер Банкварт;
- *Topsy-Turvy doll* – Кукла Топси-Турви.

В эссе «Relations» авторская уникальная тональность проявляется через сочетание личных размышлений, социальных наблюдений и глубокого анализа сложных тем, таких как расовая идентичность, родство и юридические аспекты «*On the question of whether a person can have a twin to whom he is not related, the New Jersey Record consulted an expert who explained that the babies were not technically twins, but their situation was so unusual it was impossible to determine, without further research, how deep a bond they might share*» [46] - По поводу того, могут ли люди считать близнецами тех, кто не состоит в родстве, журнал *New Jersey Record* обратилась к эксперту, который пояснил, что формально дети не являются близнецами, но ситуация настолько необычна, что без дополнительных исследований невозможно определить степень их связи.

В эссе «Poetry City» автор исследует идею поэзии в контексте метафоры города, применяя игривый и образный стиль. Тон произведения легок и игрив, что способствует восприятию поэзии как многогранной и сложной структуры, сходной с городской средой. Используя различные сравнения, автор подчеркивает связь между поэзией и современным городским опытом «*I'm going to talk about not poetry of the city, but poetry as a city. Poetry is a city of words, a complex heterogeneity that functions both as its parts and as a whole. It's full of systems—metaphoric, symbolic, sonic—analogous to the sewage, electrical, and transportation systems that animate a city*» [45] - Я буду говорить не о поэзии города, а о поэзии как о городе. Поэзия – это

город слов, сложный и разнообразный, который одновременно является и частью чего-то большего, и цельным сам по себе. Она полна систем – метафорических, символических, звуковых – подобно канализационным, электрическим и транспортным системам, которые обеспечивают жизнь города.

Эссе «Sylvia Ginsberg, Superstar» фокусируется на личной истории, автор рассказывает о своей бабушке, эссе пронизано личными воспоминаниями и эмоциональной глубиной, например, фраза «*I made my paternal grandmother into a superstar*» [49] - Я сделал свою бабушку суперзвездой, говорит о стремлении автора увековечить её память, создавая образ бабушки как сильной личности, несмотря на её страдания. Личный опыт и искренность придают эссе оттенки ностальгии и печали, позволяя читателю ощутить близость к героине и её жизненному пути.

В эссе «The Diploma Mill» автор анализирует социальные аспекты образования, применяя иронию и критику для выражения своего недовольства существующей системой. А своем эссе часто использует сравнение, например «*Like a Hollywood movie set, the college campus is all artifice, a make-believe world where actors appear for a short time, recite their lines, and then exit the sound stage of higher education forever*» [40] - Колледж, как голливудская съемочная площадка, представляет собой своего рода искусственный мир, где актеры в лице студентов ненадолго появляются, произносят свои реплики и навсегда покидают эту звуковую сцену высшего образования. Эссе формирует представление об образовательном процессе как о театрализованном действии, в котором студенты выступают лишь в заранее определённых ролях.

Уникальный стиль Джобса проявляется в искреннем анализе его жизни и принятых решений, он осознает свой выдающийся успех в бизнесе, одновременно испытывая глубокое чувство пустоты «*I reached the pinnacle of success in the business world. In others' eyes, my life is the epitome of success. However, aside from work, I have little joy*» [48] - Я достиг высшей точки успеха

в деловом мире. В глазах окружающих моя жизнь кажется образцом достижений. Тем не менее, вне профессиональной сферы у меня почти нет радости. Основная идея послания Джобса сосредоточена на значимости взаимоотношений и эмоциональных связей «*Treasure love for your family, love for your spouse, love for your friends*» [48] - Дорожите любовью к своей семье, любовью к своему супругу и супруге, любовью к своим друзьям.

Дословный перевод является самой часто используемой трансформацией при передаче стилистических приемов, таких как: повторы, например, «*Without denying that blacks and whites remain largely segregated and disturbingly polarized, and without denying that black culture is a distinct culture*» [46] - **Несмотря** на то, что черные и белые остаются в значительной степени сегрегированными и поляризованными, и **несмотря** на то, что темнокожая культура является отдельной культурой, «*the so-called black and so-called white people of the United States resemble nobody else in the world so much as they resemble each other*» [46] - При всем их традиционном антагонизме и очевидных различиях **так называемые** темнокожие и **так называемые** белокожие жители Соединенных Штатов ни на кого в мире не похожи так сильно, как друг на друга, «*A group of white children and a group of black children were asked, in one of the Clarks' doll studies, to choose the baby doll that looked the most like them*» [46] - В одном из исследований, проведенных с куклами, **группу** белых и **группу** черных детей попросили выбрать куклу-младенца, которая больше всего на них похожа, «*She abandoned this idea only after it was suggested to her that this might be confusing for the child and perhaps even damaging. But she did not abandon her belief that the two boys who shared her womb should grow up knowing each other as brothers*» [46] - Она **отказалась** от этой идеи только после того, как ей объяснили, что это может ввести ребенка в заблуждение и, возможно, даже навредить ему. Но она не **отказалась** от своей веры в то, что два мальчика, разделившие ее утробу, должны расти, зная друг друга в качестве братьев.

Встречаются случаи прагматической адаптации, в которых при переводе были опущены метафорические конструкции по причине невозможности их адекватного перевода, например, «*The answer to this question would determine whether or not the courts would mandate visits between the black boy and the white family. «Are the baby boys brothers in the eyes of the law,» asked the New York Times, «or two separate people who just happened to arrive in the world on the same subway car?»»* [46] - «В газете New York Times обсуждались вопросы: «Являются ли эти мальчики братьями по закону?» и «Или же это два разных человека с похожей судьбой?». «Или же это два разных человека, рожденный одним человеком по воле судьбы?»».

Выражение «*Race is a social fiction*» было принято решение перевести, как *раса* – это социальная фантастика, поскольку в английском языке есть выражение *science fiction* имеет соответствие и переводится как научная фантастика.

Для сохранения непринуждённого стиля было принято решение использовать грамматические замены и членение или объединение предложение, например «*The story had its peculiarities, like the fact that the fertility clinic had notified the black couple that some of their embryos had been mistakenly implanted in another woman, but did not tell them anything more, so they eventually learned of the birth of their son through a private investigator*» [46] - В этой истории имелись свои тонкости. Клиника по лечению бесплодия уведомила чернокожую пару о том, что некоторые из их эмбрионов были случайно перенесены в матку другой женщине, однако не предоставила никакой другой информации, в результате чего пара узнала о рождении своего сына через частного детектива.

В случае перевода сложных терминов лучше использовать описательный перевод или калькирование, нежели вводить неизвестный продолжаемому читателю термин с помощью транскрипции, например «*A friend of mine used to tell a story about a segregated restaurant*» [46] – Один мой

друг рассказывал историю о ресторане для сегрегированных (только для белых и только для цветных).

При переводе текстов или эссе с английского на русский необходимо учитывать ряд культурных аспектов, чтобы сохранить смысл и контекст оригинала.

Английский язык изобилует идиомами, которые могут не иметь точных аналогов в русском языке, поэтому важно находить эквиваленты, передающие тот же смысл и эмоциональную окраску, например «*I'm being somewhat tongue-in-cheek*» [45] - Я немного утрирую, «*Because they see no future in this line of work, adjuncts tend to teach composition for a few semesters and then leave college **for greener pastures***» [40] - Не видя перспектив в этой профессии, адъюнкты, как правило, преподают уроки по письменной работы несколько семестров, а затем уходят из колледжа **в поисках лучшей доли**, «*While one instructor may be quite dedicated, **hunkering down in the trenches of composition classes**, another may be a bit more lackadaisical*» [40] - В то время как один преподаватель может быть очень преданным своему делу, **с головой погружаясь** в работу на уроках по написанию письменных работ, другой может относиться к этому более формально.

Также упоминания о культуре, истории или литературе могут оказаться непонятными для русскоязычного читателя, в таких случаях может потребоваться добавление пояснений или адаптация контекста, например «where a sign on one side of the room advertised «*Home Cooking*» and a sign on the other advertised «**Soul Food**» and the customers on both sides were eating the same biscuits and gravy» [46] - «где на одной стороне зала висела вывеска «*Home Cooking*» обозначающая домашняя кухня, а на другой — «*Soul Food*» (название традиционной кухни афроамериканцев, возникшей в южных штатах США), и клиенты с обеих сторон ели одни и те же бисквиты и подливку», чтобы понять контекст этой фразы, читателю нужно знать, что такое *Soul Food*, и как она связана с культурой афроамериканцев.

Определенные темы могут восприниматься иначе в зависимости от культурного контекста, например, разговор о личной жизни, религии или политике может требовать внимательного подхода в зависимости от целевой аудитории, например, *«it was decided that **the black baby** was the child of **the black couple**, legally and entirely»* [46] - было решено, что чернокожий ребенок является ребенком чернокожей пары, юридически и полностью. В современном русском языке термин «чёрный» воспринимается как оскорбительный и расистский, что делает его неприемлемым для описания темнокожих людей, вместо него используются более корректные выражения, такие как «чернокожий» или «темнокожий».

Поскольку английский и русский языки имеют различные структуры предложений, необходимо корректно адаптировать фразы, чтобы они звучали естественно на русском языке, например *«And she does have **to lay down** a lot. When you're eighty, it's par for the course»* [49] - И ей действительно придется много **отдыхать**. Когда тебе восемьдесят, это вполне нормально. В примере выражение *to lay down* переводится, как «лежать», но в данном контексте следует переводить, как «отдыхать».

Таким образом, во всех эссе применены множество приемов для достижения адекватности при переводе. При переводе текстов жанра эссе важно описать приемы перевода следующих элементов: устоявшиеся терминов или терминов-неологизмов, уникальную тональность каждого автора, различные стилистические средства, культурные особенности обоих языков.

Выводы по второй главе

Предпереводческий анализ представляет собой важный инструмент для комплексного исследования языковых средств и стилистических приёмов, а также их влияния на восприятие текста читателем. Данный метод позволяет выявить закономерности построения текста, изучить его функциональные, содержательные и формальные аспекты.

Все проанализированные эссе, хотя и посвящены разным темам, объединены идеей осмысленности. В них рассматривается проблема расовых классификаций, осознанного образования, ценность личного опыта, а также поэзия как способ постижения мира. Каждое из этих произведений побуждает читателя к размышлению о том, как мы интерпретируем окружающую действительность, будь то через образование, семейные истории или искусство.

Проанализированные эссе имеют ярко выраженные характеристики, которые делают их особенно выразительными и насыщенными. Чаще всего в этих текстах преобладает повествовательно-описательный стиль, что позволяет лучше передать личные переживания и эмоциональный опыт авторов. Рассказ от первого лица, выраженный через местоимение «I». Также важно подчеркнуть, что в данных эссе активно используется как прямая, так и косвенная речь, позволяя читателю лучше понять различные точки зрения. Тексты обогащены несколькими лексико-семантическими полями, для повышения выразительности и экспрессивности авторы используют разнообразные стилистические средства: эпитеты, метафоры, сравнения и риторические вопросы.

При переводе текстов жанра эссе важно описать приемы перевода следующих элементов: устоявшиеся терминов или терминов-неологизмов, уникальную тональность каждого автора, различные стилистические средства, культурные особенности обоих языков.

Заключение

Проведенное исследование позволило всесторонне проанализировать выбранные эссе и проблемы адекватности.

В рамках выполнения поставленных задач было дано определение понятий эссе, стратегия перевода, предпереводческий анализ текста, аналитический вариативный поиск, анализ результатов перевода, трансформации, адекватность перевода. В результате исследования эссе было определено как короткое литературное произведение, в котором автор излагает свои мысли по какому-либо вопросу или теме, характеризуясь глубиной и остротой анализа, часто нося рефлексивный, философский или критический характер.

Эссе принято делить на виды по способу и характеру изложения: аргументированное эссе убеждает читателя, описательное эссе создает яркую картину в воображении читателя с помощью слов, эссе на историческую тему рассматривает исторические события и их влияние, в эссе-рассуждение приводятся факты, статистики и примеры без какого-либо личного мнения, критическое эссе предлагает более глубокое понимание и проницательную критику обсуждаемой работы написания. Каждое эссе, независимо от его специфики, обладает уникальными чертами, которые существенно влияют на восприятие со стороны читателя.

Важной составляющей данной работы является понятие «адекватность», которое определяется как соответствие текста перевода исходному тексту, при котором последовательно учитывается цель перевода, который обеспечивает высокую степень передачи всех элементов и форм оригинала на переводящем языке и который соответствует требованиям и условиям конкретного акта межкультурной коммуникации.

Проведенный предпереводческий анализ текстов публицистических эссе позволил выявить закономерности построения текста, изучить его функциональные, содержательные и формальные аспекты.

Предпереводческий анализ показал, что публицистические тексты часто содержат оценочные суждения автора, предполагаемыми реципиентами анализируемых эссе являются группа, прежде всего молодежи. Коммуникативные цели эссе авторов различны, что отражает их уникальные взгляды и темы.

Немаловажный для эссе признак – это коннотативное значение, то есть выражение оттенков эмоциональной или оценочной речи. Язык эссе часто носит эмоциональный окрас, позволяя автору выразить свои чувства и отношение к теме. Ведущей композиционно-речевой формой эссе является рассуждение, принимающее форму монолога, где авторы стремятся рассуждать с самим собой, постепенно развивая свою мысль, что позволяет в наиболее полной мере раскрыть личную позицию.

Несмотря на наличие когнитивной информации, в текстах преобладает эмоционально-эстетическая составляющая, значительное количество когнитивной информации. В рассматриваемых эссе авторы применяют различные стилистические приемы, такие как метафоры, эпитеты, повторы, риторические вопросы и цитирование. Для корректного перевода этих приемов было решено использовать подбор эквивалентов, калькирование, добавление, дословный перевод, грамматические замены, членение и объединение предложений и описательный перевод.

Предпереводческий анализ текста перед переводом помогает выявить основные переводческие доминанты, что в свою очередь позволяет определить потенциальные трудности перевода и предсказать возможные пути их преодоления.

В результате предпереводческого анализа и анализа научной литературы выявлено, что при переводе текстов жанра эссе важно описать приемы перевода следующих элементов: устоявшиеся терминов или терминов-неологизмов, уникальную тональность каждого автора, различные стилистические приемы, культурные особенности обоих языков. В процессе перевода устоявшихся терминов применялся подбор соответствий, в то время

как лексические единицы, являющиеся терминами-неологизмами, переводились с использованием приемы калькирования. Названия журналов, как и любые имена собственные, переводить не принято, вместо этого оставляется в оригинальном написании, также применяется метод добавления, позволяющий вводить небольшие пояснения в текст перевода для достижения более точного понимания, поскольку для читателя может быть непонятно смысл иностранного слова. Перевод расовых обозначений требует особого внимания, поскольку важно избежать ошибок политкорректного характера, рекомендуется применять метод соответствия из онлайн-словарей. Имена собственные чаще всего передаются через транскрибирование, поскольку они не имеют эквивалентов в русском языке.

Цель работы - анализ приемов достижения адекватности при переводе публицистических эссе с английского на русский язык – была достигнута.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2004. 352 с.
2. Алексеева И. С. Вопросы теории. М. : Междунар. отношения, 2008. 184 с.
3. Аниськина Н. В. Стилиевая принадлежность эссе как проблема предпереводческого анализа текста // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. № 3(28). С. 251–253.
4. Аниськина Н. В., Мурдускина О. В. Средства реализации жанрообразующих признаков англоязычного эссе // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2020. № 2. С. 90–102.
5. Байкова О. В., Резвых В. В. Особенности перевода публицистических текстов с английского языка на русский язык // Студент. Наука. Регион. 2023. № 1. С. 379–383.
6. Бархударов Л. С. Язык и перевод. М. : Междунар. отношения, 1975. 190 с.
7. Бизюков Н. В. Публицистический дискурс как система средств языковой манипуляции (на материале англоязычной прессы) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2011. № 3. С. 167–172.
8. Болотнова Н. С., Болотнов А. В. Актуальные проблемы стилистики в современном и историческом освещении // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. № 3 (233). С. 56–64.
9. Бузырева К. А., Красицкая Н. С. Публицистический стиль и его особенности в современный период // Язык и культура : Сборник научных трудов V Республиканской очно-заочной научной конференции (с международным участием). Макеевка, 2019. С. 389–391.

10. Былкова С. В., Чубова Е. П., Колмакова В. В. Проблемное обучение как метод развития критического мышления студентов-бакалавров при написании аргументированного эссе // Russian Journal of Education and Psychology. 2018. Том 9. № 3. С. 74–95.
11. Вайнштейн О. Б. Для чего и для кого писать эссе // Литературная учеба. 1985. № 2. С. 215–217.
12. Виноградов В. В. Русская речь, ее изучение и вопросы речевой культуры // Вопросы языкознания. 1961. № 4. С. 3–19.
13. Гехтляр С. Я., Пугачева О. В. Эссе как жанр в литературе и публицистике // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2012. № 3. С. 19–24.
14. Гехтляр С. Я., Пугачева О. В. Эссе: изменения в парадигме публицистики // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. № 3 (23). Т. 2.
15. Дмитриевский А. Л. Жанр эссе: к проблеме теории // Челябинский гуманитарий. 2013. № 3 (24). С. 37–51.
16. Захарчук О. Е. Стиль: термин и понятийное пространство // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 24. С. 1–11.
17. Кайда Л. Г. Эссе в художественной и нехудожественной словесности // Мир русского слова. 2008. № 2. С. 19–24.
18. Кафискина О. В. Стратегия перевода как термин переводоведения // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2017. № 1. С. 4–19.
19. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1977. 223 с.
20. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: учебное пособие. М. : ЭТС, 2002. 424 с.
21. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М. : Высшая школа, 1990. 253 с.

22. Кухаренко В. А. Практикум по стилистике английского языка. М. : 1986. С. 61–62.
23. Луговая А. А. К вопросу о функциональных стилях языка // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 3(106). С. 412–414.
24. Мурдускина О. В., Ведерникова Ю. В. Проблема передачи терминов-неологизмов при переводе специальных текстов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10 (76): в 3-х ч. Ч. 2. С. 124–127.
25. Ожегов С. И. Словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=36403> (дата обращения: (дата обращения: 15.03.2025)).
26. Олейник А. Ю. Обоснование положительной причины приемов перевода // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2016. № 3 (53). С. 92–102.
27. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М., 2007. 38 с.
28. Сдобников В. В. Стратегия перевода: общее определение // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. № 1 (13). С. 165–172.
29. Скуленко М. И. Текст масс-медиа. Киев : УМК ВО, 2002.
30. Тетенова М. А. Предпереводческий анализ и переводческая стратегия как составляющие процесса перевода // Litera. 2024. № 1. С. 1–13.
31. Утебаева Е. Е Проблема выбора стратегии при переводе научного текста // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2015. № 19. С. 54-58.
32. Хайдарова Ч. Д. Стратегии перевода, переводческие действия и их этапы // Central Asian Academic Journal of Scientific Research. 2022. Volume 2. Issue 5. P. 365–369.
33. Жанры публицистического текста // Академик [Электронный ресурс] // URL: <https://stylistics.academic.ru/33/%D0%96%D0%B0%D0%BD%D1%80%D1%8B>

%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BB%D1%8F (дата обращения: 21.03.2025).

34. Щелкунова Е. С. Публицистический текст в системе массовой коммуникации: учеб. пособие. М. : Родная речь, 2004. 194 с.

35. Эльяшевич А. Четыре октавы бытия // Октябрь. 1998. № 4. С. 15–19.

36. Collected Essays by Aldous Huxley [Электронный ресурс] // URL: <https://danassays.wordpress.com/collected-essays-by-alldous-huxley/> (дата обращения: 19.05.2025).

37. Complete Guide to Descriptive Essays [Электронный ресурс] // essaypro. URL: <https://essaypro.com/blog/descriptive-essay?ysclid=m55hmr857z804087079> (дата обращения: 20.11.2024).

38. Complete Guide to Expository Essays [Электронный ресурс] // myperfectwords. URL: <https://myperfectwords.com/blog/expository-essay> (дата обращения: 20.11.2024).

39. Crews F. The Random House Handbook. Sixth ed. New York McGraw Hill, 1992.

40. Diploma Mill [Электронный ресурс] // Identity Theory. URL: <https://www.identitytheory.com/diploma-mill/> (дата обращения: 19.09.2024).

41. How To Create The Perfect Critical Essay [Электронный ресурс] // Studybay. URL: <https://studybay.com/blog/critical-essay/> (дата обращения: 20.11.2024).

42. How to Write Impressive History Essay // Studybay URL: <https://studybay.com/blog/history-essay/> (дата обращения: 20.04.2025).

43. Opaliuk T. L. Methodology of Writing an Argumentative Essay on Social and Pedagogical Topics // International Academy Journal Web of Scholar. 2020. № ISSN 2518-167X. С. 46–51.

44. Oxford Learner's Dictionaries [Электронный ресурс]. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/essay_1 (дата обращения: 15.04.2025).

45. Poetry City [Электронный ресурс] // Identity Theory. URL: <https://www.identitytheory.com/poetry-city/> (дата обращения: 19.09.2024).

46. Relations [Электронный ресурс] // Identity Theory. URL: <https://www.identitytheory.com/eula-biss-relations/> (дата обращения: 19.09.2024).

47. Schulte H., Teuscher G. The Art of Literary Translation: German Literature, Art and Thought. 1993.

48. Steve Jobs' Last Words final essay [Электронный ресурс] // The New York Times. URL: <https://equalman.com/steve-jobs-last-words/> (дата обращения: 21.03.2025).

49. Sylvia Ginsberg: Superstar [Электронный ресурс] // Identity Theory. URL: <https://www.identitytheory.com/sylvia-ginsberg-superstar/> (дата обращения: 19.09.2024).

Приложение А

Оригинал и перевод текстов эссе с английского на русский язык онлайн-журналов «Identity Theory» и «theguardian»

Таблица А.1 – Оригинал и перевод текстов эссе с английского на русский язык онлайн-журналов

Оригинал	Перевод
« Relations Essays / By Eula Biss / March 17, 2008 In New York City, in the spring of 1999, a story hit the newspapers of a Long Island woman who had given birth to twins--one white and one black. The woman and her husband were white and the black baby was not theirs, at least not biologically. The embryo that became that baby had been accidentally implanted in the woman's uterus with the embryo of her biological son, but it belonged to a black couple who were clients at the same fertility clinic, and they wanted their son back. After a DNA test, a custody battle, a state supreme court ruling, and an unsuccessful appeal, it was decided that the black baby was the child of the black couple, legally and entirely. The story had its peculiarities, like the fact that the fertility clinic had notified the black couple that some of their embryos had been mistakenly implanted in another woman, but did not tell them anything more, so they eventually learned of the birth of their son through a private investigator. But even odd facts like this took on the sheen of metaphor, pointing, for those of us who were looking, to further evidence of a systematic failure of any number of services to reach black people intact, in the form in which they are typically enjoyed by white people. If both babies had been white, I doubt the story would have become the parable it became--playing out in the newspapers over the next few years as an epic tale of blood and belonging» [46].	Отношения Эссе / Юла Бисс / 17 марта 2008 г. Весной 1999 года в Нью-Йорке в газетах появилась история о женщине с Лонг-Айленда, которая родила близнецов — одного белого и одного черного. Женщина и ее муж были белыми, и чернокожий ребенок не был их биологическим сыном. Эмбрион, ставший чернокожим ребенком, был случайно имплантирован в матку женщины вместе с эмбрионом ее биологического сына. Этот эмбрион принадлежал чернокожей паре, которая также была клиентом той же клиники по лечению бесплодия и хотела вернуть своего ребенка. После проведения теста ДНК, длительных судебных разбирательств и решения Верховного суда штата было установлено, что чернокожий ребенок является биологическим сыном чернокожей пары. В этой истории имелись свои тонкости. Клиника по лечению бесплодия уведомила чернокожую пару о том, что некоторые из их эмбрионов были случайно перенесены в матку другой женщине, однако не предоставила никакой другой информации, в результате чего пара узнала о рождении своего сына через частного детектива. Такие необычные обстоятельства метафорично подчеркивали неспособность систематически предоставлять услуги чернокожим людям так, как предоставляется для белых. Если бы оба ребенка были белыми, я сомневаюсь, что эта история стала бы такой известной, как притча, которую несколько лет печатали бы в газетах как эпическую историю «о кровном родстве и принадлежности».

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«The fact that the story involved two babies and two mothers and, eventually, an agreement that gave both babies a family and both families a baby would inspire some reporters to use the phrase «happy ending,» but the story would resist that happy ending in part because the black baby was initially returned to his biological parents on the strict condition that he would continue to visit his twin brother, spending a week in summer and alternate holidays with the white family. On the question of whether a person can have a twin to whom he is not related, the New Jersey Record consulted an expert who explained that the babies were not technically twins, but their situation was so unusual it was impossible to determine, without further research, how deep a bond they might share. Long after the black baby had been returned to his biological parents and given a new name, the question of what exactly his relationship was to the white boy with whom he had shared a womb persisted. The answer to this question would determine whether or not the courts would mandate visits between the black boy and the white family. Are the baby boys brothers in the eyes of the law, asked the New York Times, or two separate people who just happened to arrive in the world on the same subway car? * * * When we were young, my sister and I had two baby dolls that were exactly alike in every way except that one was white and one was black. The precise sameness of these dolls, so obviously cast from one mold in two different colors of plastic, convinced me that they were, like us, sisters» [46].	Несмотря на то, что в этой истории речь идет о двух младенцах, двух матерях и, в конце концов, о соглашении, по которому оба младенца обретают семью, а семьи – ребенка, некоторые журналисты могли бы описать историю как «счастливый конец». Однако эта история не вписывалась в традиционное определение счастливого конца, поскольку чернокожий младенец был возвращен своим биологическим родителям при строгом условии, что он будет продолжать видаться со своим братом-близнецом — проводя вместе с белой семьей одну неделю летом, а также чередуя праздники. По поводу того, могут ли люди считать близнецами тех, кто не состоит в родстве, журнал New Jersey Record обратилась к эксперту, который пояснил, что формально дети не являются близнецами, но ситуация настолько необычна, что без дополнительных исследований невозможно определить степень их связи. Еще долго после того, как чернокожего ребенка вернули биологическим родителям и дали ему новое имя, вопрос о том, какое именно отношение он имел к белому мальчику, с которым делил утробу матери, оставался открытым. Этот вопрос был важен для определения того, будут ли суды разрешать встречи чернокожего мальчика с белой семьей. В газете New York Times обсуждались вопросы: «Являются ли эти мальчики братьями по закону?» и «Или же это два разных человека с похожей судьбой?». «Или же это два разных человека, рожденный одним человеком по воле судьбы?» ----- Когда мы были маленькими, у нас с сестрой были две куклы, абсолютно одинаковые во всех отношениях, кроме цвета: одна была белой, а другая — черной. Это точное сходство кукол, словно отлитых из одной формы, убедило меня в том, что они, как и мы, были сестрами.

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«Sisters are only slightly more genetically similar than any other two human beings. We are all so closely related to each other, sharing over 99 percent of our genetic code across the world, that many scientists believe there is no biological basis for what we call race. Race is a social fiction. But it is also, for now at least, a social fact. We are not all, culturally speaking, the same. And if that Long Island woman had raised the black boy to whom she gave birth he might have been robbed of a certain amount of the cultural identity to which his skin would be assigned later in life, and might therefore find himself as an adult in an uncomfortable no-man's-land between two racial identities. But this no-man's-land is already fairly heavily trafficked. Without denying that blacks and whites remain largely segregated and disturbingly polarized, and without denying that black culture is a distinct culture, I think we ought to admit, as the writer Albert Murray once insisted, that American culture is «incontestably mulatto.» A friend of mine used to tell a story about a segregated restaurant in the South where a sign on one side of the room advertised «Home Cooking» and a sign on the other advertised «Soul Food» and the customers on both sides were eating the same biscuits and gravy. «For all their traditional antagonisms and obvious differences,» Murray wrote in <i>The Omni Americans</i>, «the so-called black and so-called white people of the United States resemble nobody else in the world so much as they resemble each other.»» [46].	Научные исследования показывают, что сестры лишь немного более похожи друг на друга генетически, чем два других человека. Мы все тесно связаны друг с другом, разделяя более 99 процентов нашего генетического кода. Многие ученые считают, что не существует биологической основы для понятия расы. Раса — это «социальная фантастика». Однако, по крайней мере на данный момент, это также социальный факт. В культурном плане мы не все одинаковы. Если бы та женщина с Лонг-Айленда вырастила чернокожего мальчика, которого она родила, он мог бы оказаться лишенным той культурной идентичности, к которой впоследствии будет отнесена его расовая принадлежность. В результате он мог бы оказаться во взрослой жизни в неудобной ничейной земле между двумя расовыми принадлежностями. Но эта ничейная земля и так достаточно сильно наезжена. Несмотря на то, что черные и белые остаются в значительной степени сегрегированными и поляризованными, и несмотря на то, что черная культура является отдельной культурой, мы должны признать, как однажды настаивал писатель Альберт Мюррей, что американская культура «неоспоримо мулатская». Один мой друг рассказывал историю о ресторане для сегрегированных (только для белых и только для цветных), где на одной стороне зала висела вывеска «Домашняя кухня», а на другой — «Еда для души», и клиенты с обеих сторон ели одни и те же бисквиты и подливку. Мюррей писал в своей книге <i>The Omni Americans</i>: «При всем их традиционном антагонизме и очевидных различиях так называемые темнокожие и так называемые белокожие жители Соединенных Штатов ни на кого в мире не похожи так сильно, как друг на друга».

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«Even so, we don't tend to make family out of each other. Marriages between whites and blacks amount to less than 1 percent of all our marriages. And even after <i>Loving vs. Virginia</i> declared the last state laws banning inter-racial marriage unconstitutional in 1967, some states continued to ban inter-racial adoptions. Legal or not, such adoptions were rare in this country until the number of white parents looking to adopt began to exceed the number of white children available for adoption. Some of the agencies that first began placing black children with white couples viewed these placements as highly progressive. Not everyone agreed. The National Association of Black Social Workers, in particular, has continued to oppose the adoption of black children by white parents ever since the release of their somewhat notorious 1972 statement on the preservation of black families, in which they suggested that the likely outcome of such adoptions was «cultural genocide.» The vehemence of this statement, and its refusal to see white Americans as viable parents for black Americans, is probably best understood in the context of the havoc that has been wreaked on black families in this country. There was, during slavery, the use of black women for «breeding» purposes, the forced infidelities of that system, the denial of slave marriages as legitimate contracts, and the practice of selling members of the same family away from each other, so that sisters were separated from brothers, mothers were separated from fathers, and young children were separated from one or both parents.» [46].	Тем не менее, мы не склонны создавать семьи друг с другом. Браки между белыми и черными расами составляют менее 1 процента от всех заключаемых браков. Даже после того, как в 1967 году дело в округе Лавинг штата Техас против штата Вирджинии признало законы, запрещающие межрасовые браки, неконституционными, некоторые штаты продолжали запрещать «межрасовые усыновления». Независимо от законности таких запретов, усыновления чернокожих детей белыми родителями оставались редкостью в стране до тех пор, пока количество белых родителей, желающих усыновить ребенка, не стало превышать количество доступных для усыновления белых детей. Некоторые агентства, которые первыми начали размещать чернокожих детей в семьях белых пар, считали такие усыновления весьма прогрессивными. Однако не все с этим соглашались. Национальная ассоциация чернокожих социальных работников продолжает выступать против усыновления чернокожих детей белыми родителями, начиная с публикации в 1972 году вызвавшей широкий резонанс декларации о сохранении черных семей. В этом декларация утверждалось, что вероятным результатом таких усыновлений станет «культурный геноцид». Остроту этой декларации и отказ признавать белых американцев подходящими родителями для чернокожих детей следует рассматривать в контексте исторических травм, нанесенных черным семьям в этой стране. В эпоху рабства чернокожих женщин эксплуатировали для «размножения», принуждали к неверности, а браки между рабами не признавались законными. Членов одной семей продавали, разлучая сестер от братьев, разлучая матерей от отцов, разлучая малолетних детей с одним или обоими родителями.

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«Now, more than a century after emancipation, we still have the unmaning of black men by law enforcement, the incommensurate imprisonment of black fathers, and the troubling biases of the child welfare system, in which a disproportionate number of black children are separated from their parents. That doesn't mean white adults can't be good parents for black children, but the endeavor is fraught by history and complicated by all our current social failures. If the white woman in Long Island had given birth to two white babies, it might have been easier to ignore one of the uglier elements of her story, the fact that our claim on our children is not entirely innocent, and amounts to a kind of ownership. At one point, the biological parents of the black baby decided that they would rather pay the \$200,000 fine mandated by their shared custody agreement than continue to allow the white couple visits with their son. The white couple balked at this, and their lawyer said, «They're not looking to, quote, 'sell' their son!» If both the babies had been white, I might have felt that the white woman was entitled to keep them both, no matter whom they were related to. I might have been wrong, and the courts would very probably not have agreed with me, but I would have believed in her right to keep any child she carried in her womb because that is what I would want for myself. As it was, because one of those babies was black, and because the black woman did not herself conceive--her treatments at the fertility clinic failed and she was childless--it did not seem right for the white woman to keep the black baby. It seemed like a kind of robbery, a robbery made worse by its echoes of history» [46].	Спустя более века после эмансипации, мы по-прежнему сталкиваемся с проявлениями бесчеловечности со стороны правоохранительных органов, непропорционально высоким уровнем тюремного заключения чернокожих отцов и предвзятостью системы социального обеспечения, в которой непропорционально большое число чернокожих детей изымаются из семей. Это не означает, что белые взрослые не могут быть хорошими родителями для чернокожих детей, но эта задача осложнена историей и текущими социальными проблемами. Если бы белая женщина с Лонг-Айленда родила двоих белых детей, возможно, было бы проще игнорировать один из самых мрачных аспектов нашей истории — тот факт, что притязания на детей могут восприниматься как форма права собственности. В какой-то момент биологические родители чернокожего ребенка решили, что лучше заплатить штраф в 200 000 долларов по соглашению о совместной опеке, чем продолжать разрешать белой паре видеться с их сыном. Белая пара воспротивилась этому, и их адвокат заявил: «Они не хотят, цитирую, 'продавать' своего сына!» Если бы оба ребенка были белыми, я бы решила, что белая женщина имеет право оставить их обоих, независимо от родства. Возможно, я ошибаюсь, и суды со мной бы не согласились, но я бы оставила ее право хоть на одного ребенка, которого она выносила, независимо от его расы, ведь именно этого я хотела бы для себя. Однако поскольку один из этих детей был чернокожим, а чернокожая женщина, прошедшая безуспешное лечение от бесплодия, так и она так и осталась бездетной, решение белой женщины оставить себе чернокожего ребенка казалось мне неправильным. В это виделся своего рода грабеж, усугубленный отголосками истории.

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«But even still--and perhaps this exposes exactly how hopeful, or how naïve, I really am--I wanted to believe in the white woman's desire to maintain a familial connection to the black child. I wanted the two boys to be brothers, and I wanted the original shared custody agreement to work out. And it might have, especially if the white woman had not made the mistake of saying «come to Mommy» to the black baby on one of those visits, and of calling him by the name she had given him, which was no longer his name. * * * The white doll was my sister's and the black doll was mine. My doll's proper name was Susannah, but her common name, the name I used more often, and the name my entire family used, was Black Doll. My mother finds this hilarious, but I don't enjoy revealing it, and I don't enjoy knowing now that as a child I reduced this doll--who had her own distinct personality as many beloved toys do--to her race. Even so, the fact that Black Doll was black became very ordinary to me very quickly, so that her name was nothing but her name. The famous «Doll Studies» of Mamie and Kenneth Clark, which were conducted in a series of different schools in both the North and the South, used a set of identical black and white baby dolls bought at a Woolworth's in Harlem to reveal how racism affected children. In one experiment, sixteen black children were shown a white doll and a black doll and asked to pick which doll best represented certain words. Eleven of the children associated the black doll with the word «bad» and ten associated the white doll with the word «nice.» This experiment later influenced the <i>Brown vs. Board of Education</i> decision to integrate the public schools» [46].	И все же, возможно, это говорит о моей излишней наивности, мне хотелось верить в искреннее желание белой женщины сохранить семейную связь с чернокожим ребенком. Я хотел, чтобы эти два мальчика были братьями, и чтобы первоначальное соглашение о совместной опеке сработало. Возможно, так бы и произошло, если бы белая женщина не допустила оплошность, сказав чернокожему малышу во время одного из визитов: «Иди к маме», назвав его именем, которое она ему дала, и которое больше не являлось его именем. Белая кукла принадлежала моей сестре, а черная — мне. Мою куклу звали Сюзанна, но в нашей семье она чаще называлась просто Черной Куклой. Моя мама считает это забавным, но мне не нравится вспоминать об этом, и я испытываю дискомфорт от того, что в детстве воспринимала эту куклу через призму ее расы, обладающую, как и многие любимые игрушки, собственной индивидуальностью. Тем не менее, тот факт, что Черная Кукла была черной, быстро стал для меня обыденным, и её имя воспринималось просто как обозначение. Психологи Мэми и Кеннет Кларк, в своих знаменитых «кукольных исследованиях», проведенных в различных школах в США, использовали набор одинаковых черных и белых кукол-младенцев, купленных в магазине Woolworth's в Гарлеме. Целью этих исследований было выяснить, как расизм влияет на детей. В одном из экспериментов шестнадцати чернокожим детям показали белую и черную куклы и попросили выбрать, какая из них лучше всего соответствует определенным словам. Одиннадцать детей ассоциировали черную куклу со словом «плохой», а десять — белую со словом «хороший». Эти результаты впоследствии повлияли на решение Верховного суда США в деле «Браун против Совета по образованию», по вопросу интеграции государственных школ.

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«In the years and decades following that decision, questions would be raised about what exactly, if anything, the doll studies proved. Black children in unsegregated schools had responded to the Clarks' dolls in much the same way as black children in segregated schools, which complicated the idea that the children were responding solely to segregation. But they were clearly responding to something. Perhaps the doll studies suggest that children are as sensitive to racial codes as adults. I do not know exactly how the word «nice» was used in 1939 when those studies began, but I do know what it means now to describe a neighborhood as «nice» or another part of town as «bad» and I know what «nice» hair is and I know what it means when my landlady tells me, as I'm applying for a lease, that she won't need my bank account number because I look like a «nice» person. And I suspect that it is possible, especially in a racially aware environment, that the secondary meanings of these words are not lost even on six-year-olds.	В последующие годы возникали вопросы об интерпретации результатов «кукольных исследований». Чернокожие дети, как в интегрированных, так в сегрегированных школах демонстрировали схожую реакцию на куклы, что ставило под сомнение однозначную связь этих реакций с сегрегацией. Однако они явно на что-то реагировали. Возможно, «кукольные исследования» показывают, что дети так же чувствительны к расовым предрассудкам, как и взрослые. Мне неизвестно, какие коннотации имело слово «хороший» в 1939 году, когда начались эти исследования, но я знаю, что значит сейчас назвать один район «хорошим» или другую часть города «плохой». Я знаю о «хороших» волосах и понимаю, что подразумевает моя домовладелица, сообщая мне при подаче заявления на аренду, что ей не требуется номер моего банковского счета, поскольку я производжу впечатление «хорошего» человека. Я подозреваю, что даже в возрасте шести лет, особенно в расово-ориентированной среде, дети улавливают эти скрытые смыслы.
* * * «Maybe we love our dolls because we can't love ourselves,» a friend of mine--an artist who made drawings of dolls missing legs or arms or eyes that all looked, somehow, eerily like her--once suggested. Perhaps this is the essential truth behind why we make effigies. And maybe this is why we tend to believe that children should have dolls that look like them, or at least that look like who they might eventually become» [46].	«Может быть, мы любим наших кукол, потому что не можем полюбить себя», — предположила однажды моя подруга-художница, создававшая рисунки кукол без ног, рук или глаз, которые удивительно напоминали её саму. Возможно, в этом и кроется основная причина, почему мы создаём чучела. И возможно, именно поэтому мы считаем важным, чтобы у детей были куклы, похожие на них самих или хотя бы на тех, кем они могут стать в будущем.

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«In 1959 Mattel introduced a doll that was not, like most other dolls marketed for children, a baby doll. This doll had breasts and wore make-up and was modeled after a doll sold in Germany as a gag gift for grown men. The man who designed the American version of the doll, a man who had formally designed Sparrow and Hawk missiles for the Pentagon and was briefly married to Zsa Zsa Gabor, was charged with making the new Barbie doll look «less like a German street walker,» which he attempted in part by filing off her nipples.	В 1959 году компания Mattel представила куклу, принципиально отличающуюся от большинства кукол, предназначенных для детей. В отличие от традиционных кукол-младенцев, новая кукла имела выраженную грудь, макияж и была создана по образу куклы, продававшейся в Германии в качестве прикольного подарка для мужчин. Разработку американской версии поручили человеку, ранее занимавшемуся проектированием ракет Sparrow и Hawk для Пентагона и недолгое время состоявшему в браке с актрисой Жа Жа Габор. Перед ним была поставлена задача сделать новую куклу Барби «менее похожей на немецкую уличную девку», и он выполнил ее, в частности, убрав детализацию сосков.
In the past few decades quite a few people have suggested--citing most often the offense of impossible proportions--that Barbie dolls teach young girls to hate themselves. But the opposite may be true. British researchers recently found that girls between the ages of seven and eleven harbor surprisingly strong feelings of dislike for their Barbie dolls, with no other toy or brand name inspiring such a negative response from the children. The dolls «provoked rejection, hatred, and violence» and many girls preferred Barbie torture--by cutting, burning, decapitation, or microwaving--over other ways of playing with the doll. Reasons that the girls hated their Barbies included, somewhat poetically, the fact that they were «plastic.» The researchers also noted that the girls never spoke of one single, special Barbie, but tended to talk about having a box full of anonymous Barbies. «On a deeper level Barbie has become inanimate,» one of the researchers remarked» [46].	В последние десятилетия многие исследователи, ссылаясь на преимущественно нереалистичные стандарты красоты, высказывали предположение о том, что куклы Барби могут способствовать формированию у девочек чувства неприязни к себе. Однако ситуация может быть совершенно обратной. Британские исследователи недавно обнаружили, что девочки в возрасте от семи до одиннадцати лет испытывают удивительно сильное чувство неприязни к своим куклам Барби; ни одна другая игрушка или бренд не вызывали у детей столь негативной реакции. Куклы «вызывали отторжение, ненависть и насилие», и многие девочки предпочитали пытать Барби — разрезать, сжигать, обезглавливать, поджаривать в микроволновке — вместо того, чтобы просто играть с ними. Причины ненависти девочек к своим Барби объяснялись довольно поэтично: они были «пластмассовыми». Исследователи также отметили, что девочки редко говорили о какой-то конкретной, любимой Барби, чаще говоря о них обобщенно, как о содержимом «коробки с Барби».

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«My own Black Doll, who is now kept by my mother as a memento of my childhood, was loved until the black of her hair and the pink of her lips rubbed off. Her skin is pocked with marks where I pricked her with needles, administering immunizations. She wears a dress that my grandmother sewed for her. And she has, stored in a closet somewhere, a set of furniture made for her by the German cabinetmaker who boarded with my family when I was young. There is something very moving to me now about the idea of that man who left Germany in the 1920s, just as the Nazi party was gathering power, laboring at his lathe, perfecting the fancy legs of a maple dining table for a beloved toy known as Black Doll. Although the two can be confused, our urge to love our own, or those we have come to understand as our own, is, it seems, much more powerful than our urge to segregate ourselves. And perhaps this is why that Long Island woman went to court to fight for shared custody of a child who was very clearly, very publicly, no blood relation to her or her husband. It was an act of thievery, but it was also an act of love. In the agonized hand-written statement she released to the press just before she voluntarily surrendered to his biological parents the four-month-old child to whom she gave birth, long before the court decision that would decide she had no right to share custody of him, the white woman said, «We're giving him up because we love him.» She had come to believe that it was in the best interest of the black baby to be with his biological parents» [46].	Моя Черная кукла, которую сейчас хранит моя мама как память о моем детстве, была очень любима, пока не стерлись черные волосы и розовые губы. Ее кожа испещрена следами от иголок, которыми я колола ее, делая прививки. Она носит платье, сшитое моей бабушкой, а где-то в шкафу у нее хранится набор мебели, сделанный для нее немецким мастером, который жил в нашей семье, когда я была маленькой. Меня трогает мысль о том, что этот человек, покинувший Германию в 1920-х годах, когда нацистская партия набирала силу, трудился за своим токарным станком, создавая изящные ножки кленового обеденного стола для любимой игрушки, известной как Черная кукла. Несмотря на поверхностное сходство между любовью и стремлением к расовому разделению, наше желание любить своих или тех, кого мы считаем своими, кажется гораздо сильнее. Возможно, именно поэтому та женщина с Лонг-Айленда обратилась в суд за совместной опекой над ребенком, который не был кровным родственником ни ей, ни ее мужу. Этот поступок был одновременно присвоением чужого и проявлением любви. В эмоциональном заявлении, опубликованном перед тем, как добровольно вернуть четырехмесячного ребенка его биологическим родителям, белая женщина сказала: «Мы отдаем его, потому что любим его». Она посчитала, что чернокожему ребенку будет лучше с его родной семьей.

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«In a separate statement, her lawyer added, «She didn't look at them as a white baby and a black baby. She looked at them as her sons.» This was already quite evident from the fact that she had insisted on a DNA test before she would consider giving the child back to the black couple whose embryos--as she had been informed by the fertility clinic--were implanted in her womb» * * * A group of white children and a group of black children were asked, in one of the Clarks' doll studies, to choose the baby doll that looked the most like them. The white children overwhelmingly chose the white doll. But seven of the sixteen black children also chose the white doll. Some of the others could not choose a doll, and a few broke into tears. As a teenager I sometimes posed for my mother's sculptures. She worked in black porcelain, which is, when fired, as deep and rich a black as white porcelain is a cool and flawless white. At that time, my mother had just converted to a West African religion and was dating a black man. Her friends were black women and Puerto Rican women and her imagination was full of African folklore. I posed for a mask she was making of the face of Oya--Yoruba goddess of the graveyard, of wind, and of change--standing in her attic studio with my lips pursed as though I were blowing. Why should I have been surprised, and somewhat hurt, when the mask was finished, to see that my face had become unmistakably African? My eyes were still almond shaped, as they are, but my cheekbones were higher, my nose was flatter and wider, and my lips were fuller. Still, my face was in that face, I could see it there, especially in the mouth» [46].	Это противоречит последующему заявлению ее адвоката, который отметил: «Она не смотрела на них как на белого и черного ребенка. Она относилась к ним как к своим сыновьям». Однако вызывает вопросы тот факт, что она настояла на проведении ДНК-теста перед тем, как рассмотреть возможность возвращения ребенка чернокожей паре, чьи эмбрионы были имплантированы в ее матку. В одном из исследований, проведенных с куклами, детям разных рас предложили выбрать куклу, которая больше всего на них похожа. Большинство белых детей выбрали белую куклу. Однако семь из шестнадцати чернокожих детей также выбрали белую куклу. Некоторые из остальных не смогли сделать выбор, а несколько расплакались. В подростковом возрасте я иногда позировала для скульптур своей матери, которая работала с черным фарфором. После обжига этот материал приобретает глубокий и насыщенный черный цвет, в отличие от белого фарфора, который выглядит холодным и безупречным. В то время моя мать только что приняла западноафриканскую религию и встречалась с чернокожим мужчиной. Ее подругами были чернокожие женщины и пуэрториканки, а ее воображение было наполнено африканским фольклором. Я позировала для маски, изображающей лицо Ойи — йорубской богини кладбища, ветра и перемен, - стоя в ее студии на чердаке с сомкнутыми губами, как будто я дую. Когда маска была завершена, я была удивлена и немного обижена тем, что мое лицо стало безошибочно африканским. И почему же? Мои глаза по-прежнему были миндалевидными, но скулы стали выше, нос — более плоским и широким, а губы — полнее. Тем не менее схожесть с собой я видела, особенно в очертании рта.

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«The Topsy-Turvy doll is a traditional doll peculiar to the United States. These dolls have heads on both ends of their bodies and wear skirts that can be flipped up or down to reveal either one head or the other. In the antebellum South, many of these dolls had a white head on one end and a black head on the other. Historians do not agree about whether these dolls were made for black children or white children, or about what kind of play they were intended for. Some Topsy-Turvy dolls were sold with the slogan, «Turn me up and turn me back, first I'm white, and then I'm black.» The possibility of moving, through disguise, between one race and another is an idea so compelling that it keeps returning to us again and again. There was Nella Larsen's <i>Passing</i>, John Howard Griffin's <i>Black Like Me</i>, Eddie Murphy's <i>Saturday Night Live</i> skit, in which he dressed as a white man and discovered that banks give money away to white people, and, most recently, there was <i>Black. White.</i>, a reality television show produced by R. J. Cutler and Ice Cube, an experiment that put two families, one white and one black, in a house together and used Hollywood make-up to switch their races. * * * I have a cousin whose race is sometimes perceived as black and other times as white. Her father is a black man from Jamaica, and her mother is my mother's sister. My cousin and I grew up on opposite sides of the country, her in Oakland, California and me in upstate New York, but we both found ourselves in New York City in our twenties, and we shared an apartment in Brooklyn for a year» [46].	Кукла Топси-Турви — это традиционная кукла, характерная для Соединенных Штатов. У этих кукол головы расположены на обоих концах тела, а юбки можно откидывать вверх или вниз, в зависимости оттого, какую голову хотите показать. В эпоху антебеллумов, многие из этих кукол имели белую голову на одном конце и черную — на другом. Историки не сходятся во мнении о том, были ли эти куклы предназначены для чернокожих или белых детей, а также для какой игры они использовались. Некоторые куклы Топси-Турви продавались со следующим слоганом: «Поверни меня вверх и поверни меня обратно, сначала я белый, а потом я черный». Идея о возможности смены из одной расы в другую настолько притягательна, что продолжает вновь и вновь привлекать наше внимание. Примеры включают роман «Прохождение» Неллы Ларсен, книгу «Черный, как я» Джона Говарда Гриффина, сценку Эдди Мерфи в <i>Saturday Night Live</i>, где он, переодевшись в белого человека, обнаруживает, что банки выдают деньги только белым людям, и реалити-шоу <i>Black.White</i>, снятое Р. Дж. Катлером и Айсом Кьюбом, это эксперимент, где две семьи разных рас — поселились в одном доме и поменялись расами с помощью голливудского грима. У меня есть двоюродная сестра, чья раса иногда воспринимается как темнокожая, а иногда как белая. Ее отец — чернокожий с Ямайки, а ее мать — сестра моей матери. Мы с сестрой выросли на разных концах страны: она в Окленде, штат Калифорния, а я на севере штата Нью-Йорк. Однако в 20 лет мы обе оказались в Нью-Йорке и целый год жили в одной квартире в Бруклине.

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«When I moved to New York I barely knew my cousin, but I was comforted by the idea that she was family. My cousin and I come from an extended family in which it is generally understood that even the most remote members cannot be strangers to each other. And we were not. We looked alike, but in an oblique way that was probably most striking to us, because my cousin looked very much like my mother, and I looked very much like hers, but neither of us looked like our own mother. Beyond that, we recognized in each other the distinctively frugal and, we decided, hereditary habit of washing and saving bits of tinfoil and plastic sandwich bags. Neither of us seemed, by nature, capable of working full time, and we were always saving our money so that we could afford not to work. We both slept very poorly in the city, and we both considered ourselves in exile there. Both of us were inexplicably moved by the concrete cross outside our living room window. And we both had the same characteristic gesture of putting our hands to our necks when we were not comfortable. We reveled in this sameness, in this twinning. We even called each other by the same name. «Cousin!» I would sing as I walked in the door, «Is that you, Cousin?» she would answer. At some point during the year we lived together, I watched my cousin cut out pictures of black college beauty queens from Ebony Magazine and glue them into a notebook. She didn't know what she wanted to do with them yet, she told me, she'd have to think about it. But she lined them up lovingly--Miss Norfolk State University, Miss Morris College, Miss Florida A&M University, Miss North Carolina Agricultural and Technical State University, Miss Southern University--like a paper doll parade replete with heartbreaking plastic crowns and tiaras» [46].	Когда я переехала в Нью-Йорк, я едва знала свою сестру, но меня утешала мысль о том, что она — моя семья. У нас большая семья, в которой принято считать, что даже самые отдаленные члены не могут быть друг другу чужими. А мы не были. Несмотря на некоторые сходства, мы были разными. Мы обе были похожи друг на друга, что особенно удивляло нас самих: моя сестра напоминала мою мать, а я — ее. Но ни одна из нас не была похожа на свою собственную мать. Мы также заметили, что у нас есть общая черта — бережливость, проявлявшаяся в привычке сохранять кусочки фольги и пластиковые пакеты для сэндвичей. Ни одна из нас по своей природе не была способна работать полный рабочий день; мы постоянно откладывали деньги, чтобы иметь возможность не работать. Мы обе плохо спали в городе и считали себя его изгнанниками. Нас обоих трогал бетонный крест за окном нашей гостиной. У нас был один и тот же особый жест — прикладывать руки к шее, когда нам становилось не по себе. Нам очень нравилась наша схожесть. Мы даже называли друг друга одинаковыми именами: «Сестра!» — пела я, входя в дверь; «Это ты, сестра?» — отвечала она. В какой-то момент нашей совместной жизни я заметила, как моя сестра вырезает из журнала Ebony фотографии чернокожих королев красоты из колледжа и наклеивает их в блокнот. Она еще не придумала, что хочет с этими фотографиями сделать, но с любовью выстраивала их в ряд: «Мисс Государственный университет Норфолка», «Мисс Колледж Морриса», «Мисс Университет Флориды», «Мисс Сельскохозяйственный и технический университет Северной Каролины», «Мисс Южный университет». Это выглядело как парад бумажных кукол, дополненный пластмассовыми коронами и тиарами.

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«Years later, my cousin would send me a film called <i>A Girl Like Me</i>, in which a seventeen-year-old girl from New York re-created the Clarks' doll studies at a Harlem day care center in 2005. In her re-creation, fifteen of twenty-one black children preferred the white doll over the black doll. «Can you show me the doll that looks bad?» a voice behind the camera asks a little black girl in <i>A Girl Like Me</i>. The child immediately chooses the black doll, and when she is asked why, she reports flatly, «Because she's black.» But when the voice asks her «Can you give me the doll that looks like you?» she looks down, reaching first for the white doll but then, looking directly at the camera, reluctantly pushing the black doll forward.	Спустя годы моя сестра прислала мне фильм под названием «Такая же, как я», в котором семнадцатилетняя девушка из Нью-Йорка воссоздала «кукольное исследование» Кларков в гарлемском детском саду (центр ухода за темнокожими детьми) в 2005 году. В фильме пятнадцать из двадцати одного чернокожего ребенка предпочли белую куклу черной. «Можешь показать мне куклу, которая выглядит плохо?» — спрашивает голос за камерой маленькую чернокожую девочку в фильме «Такая же, как я». Ребенок сразу же выбирает черную куклу, а когда ее спрашивают, почему, она отвечает: «Потому что она чернокожая». Но когда голос спрашивает ее: «Можешь дать мне куклу, которая похожа на тебя?», она опускает глаза, сначала тянется к белой кукле, но затем, глядя прямо в камеру, неохотно подталкивает вперед черную куклу.
* * * As Barbie dolls became increasingly popular in the sixties, Barbie's family expanded to include her boyfriend Ken, her little sister Skipper, her twin siblings Tutti and Tod, and her cousin Francie. In 1967 Mattel released Colored Francie, a black version of cousin Francie. Notably, Colored Francie was intended to be understood as a friend for Barbie, not a cousin. One of the many objections to Colored Francie was that she was cast out of the same mold as the white Francie, and therefore had the same face and the same features. This oversight was seen as hostile, as just another attempt to erase the African-ness of African Americans. Colored Francie did not sell well, and she was soon discontinued» [46].	Когда куклы Барби стали популярными в шестидесятые годы, семья Барби расширилась: к ней присоединились ее парень Кен, младшая сестра Скиппер, братья-близнецы Тутти и Тод, а также сестра Фрэнси. В 1967 году компания Mattel выпустила куклу — черную версию кузины Фрэнси. Примечательно, что цветная Фрэнси должна была восприниматься как подруга Барби, а не как ее сестра. Одним из основных возражений против темнокожей куклы Фрэнси стало то, что она была отлита из той же формы, что и белая Фрэнси, и, следовательно, имела те же черты лица. Этот недосмотр был воспринят как враждебный жест и очередная попытка стереть африканские корни афроамериканцев. Цветная Фрэнси продавалась плохо и вскоре была снята с производства.

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«Despite this early failure, Mattel has maintained a long-standing tradition of releasing both a black version and a white version of many of their dolls. This was most problematic in 1997 when they teamed up with Nabisco to promote Oreo Fun Barbie. The cheerfulness of the black Oreo Fun Barbie, who was sold in packaging covered with pictures of Oreo cookies and whose dress was emblazoned with the word <i>Oreo</i>, seemed to mock, chillingly, the predicament of the <i>oreo</i>, the person who is seen as black on the outside but white on the inside. Oreo Fun Barbie was quickly recalled when Mattel realized that she evoked a term that implies cultural abdication and self-loathing. As a child, my cousin worried that her mother loved her brother more because he was not as brown as her. Even so, her skin is light enough to «pass.» That was a household word for us in those days when we lived together. I remember, in particular, an evening when I invited a graduate student I'd met at a party over for dinner. We listened to Neil Young and talked about World War II, and sized each other up as material for love. When he left, just after I closed the door behind him, my cousin shot me a look. «What?» I said. «You were passing,» she said, meaning that I had not been acting like myself. And she was right, although at the time I resented her accuracy» [46].	Несмотря на начальную неудачу, Mattel продолжала традицию выпуска как черной, так и белой версии многих своих кукол. Что оказалось особенно проблематичным в 1997 году, когда компания объединилась с компанией Nabisco для продвижения куклы Oreo Fun Barbie. Жизнерадостный образ черной Oreo Fun Barbie, которая продавалась в упаковке с изображением печенья Oreo и на платье которой было написано Oreo, казался ироничным комментарием к ситуации Oreo — человека, который снаружи выглядит черным, а внутри белым. Версия куклы «Barbie Oreo Fun» была быстро отозвана, когда Mattel осознала, что она вызывает ассоциации с термином, подразумевающим культурное отречение и ненависть к себе. В детстве моя двоюродная сестра переживала, что ее мама больше любит ее брата из-за того, что у него более светлая кожа, чем у нее. При этом ее собственный оттенок кожи достаточно светлый, чтобы ее могли принять за свою. В те дни, когда мы жили вместе, это слово стало для нас привычным. Особенно мне запомнился вечер, когда я пригласила на ужин аспиранта, с которым познакомилась на вечеринке. Мы слушали Нила Янга, обсуждали Вторую мировую войну и оценивали друг друга как потенциальных партнеров. Когда он ушел и я закрыла за ним дверь, моя сестра пристально уставилась на меня. «Что?» воскликнула я. «Ты была своей», имея в виду, что я вел себя не так, как обычно. Она была права, хотя в тот момент я обиделась на ее честность.

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«A friend of mine once accused my mother of using the men she is with--men who have tended, most recently, not to be white--to gain access to other cultural and racial identities. It is true that my mother has been running from her white, Protestant, middle-class background ever since she dropped out of high school and got on a Greyhound bus, but shouldn't she be allowed out if she wants out? Especially now that she has sacrificed, in various ways, just about all the privilege to which she could ever have laid claim. «A well-ordered multiracial society,» Randall Kennedy recently wrote, «ought to allow its members free entry into and exit from racial categories.» Most scientists agree, if they are willing to make any sort of nod towards the existence of race as a legitimate category, that a person's race is self-identified, and the U.S. census now only categorizes people as they self-identify. But our racial categories are so closely policed by the culture at large that it would be much more accurate to say that we are collectively identified. Whenever we range outside the racial identity that has been collectively assigned to us, we are very quickly reminded where we belong Not long after I moved into my cousin's apartment in the historically black neighborhood of Fort Greene, I stopped at a small shop a few blocks away to buy her a birthday present of some hair oil I'd seen her admire. I was standing with my back to the register choosing between «Nubian Woman» and «Jasmine» when I heard loud whispers and laughter from behind me. «White girl!» the sales women were saying, with every intention I would hear them» [46].	Однажды моя подруга обвинила мою мать в том, что она использует мужчин, с которыми встречается (в последнее время преимущественно не белых), чтобы получить доступ к другим культурным и расовым группам. Это правда, что моя мать бежит от своего белого, протестантского среднего класса с тех пор, как бросила школу и села в автобус «Грейхаунд». Но не следует ли позволить ей быть свободной, если она этого хочет? Особенно сейчас, когда она отказалась от тех привилегий, на которые когда-либо могла претендовать. Как отметил Рэндалл Кеннеди, «хорошо организованное многорасовое общество должно предоставлять своим членам свободу в выборе и смене расовых групп». Большинство ученых, которые признают расу как законную группу, согласны с тем, что каждый человек определяет свою расу сам. В переписи населения США люди теперь отнесены к тем группам, которые они выбирают самостоятельно. Однако наши представления о расовых группах контролируются культурой по всему миру так, что правильнее сказать, что мы идентифицируемся коллективно. Каждый раз, когда мы пытаемся выйти за рамки расовых понятий, которую нам навязывают, нам быстро напоминают о нашем месте в обществе. Скоро после того, как я переехала в квартиру своей кузины в исторически «черном» районе Форт-Грин, я зашла в небольшой магазин рядом, чтобы купить ей в подарок на день рождения масло для волос, которое ей очень нравилось. Я стояла спиной к кассе, выбирая между маслами «Нубийская женщина» и «Жасмин», когда услышала громкий шепот и смех позади себя. Продавщицы произнесли: «Белая девочка!» так, чтобы я их услышала.

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«In that part of Brooklyn, the people I passed on the street often greeted me with a summary description of what they noticed about me, as in, «you've got some short hair, girl.» This was a phenomenon that my cousin and I found both arresting and amusing. For her part, my cousin discovered that the indicators of race she had learned in Oakland did not necessarily translate to Brooklyn. The way she walked, for example, the sharp switch of her gait, might have been read as black in Oakland, but it was not in Brooklyn. Here her identity became even more ambiguous. Walking home through the park after dark one night, my cousin passed a black man who nodded at her and said, «Ммм-hmmm, you're a bad-ass white girl.» I was mistaken for a white boy twice, and once I was mistaken for Asian. But I was never taken for black. And I could not have expected to be. As much as I believe racial categories to be fluid and ambiguous, I still know that there is nothing racially ambiguous about my features, or my bearing, or my way of speaking. And although I was familiar, from my mother's religion, with the cowry shells and oiled wood carvings sold in the African shops of my neighborhood, I could not even attempt to pass there» [46].	В той части Бруклина, где я гуляла, местные жители часто приветствовали меня и делились своими мнениями о моем внешнем виде, например, однажды кто-то сказал: «У тебя короткие волосы, девочка». Мы с кузиной находили это одновременно интересным и забавным. Моя сестра заметила, что представления о расе, которые она усвоила в Окленде, не всегда работают в Бруклине. Например, стиль ходьбы в Окленде, который мог восприниматься, как стиль ходьбы чернокожего человека, в Бруклине не вызывал такого же ощущения. В Бруклине её идентичность стала более многогранной. Однажды, проходя мимо чернокожего мужчины в парке, она услышала от него: «Ммм, какая крутая белая девка». Меня дважды принимали за белого мальчика и один раз — за азиата, но никогда не за чернокожего. Я и не надеялся на это. Как бы я ни верила в то, что расовые принадлежности изменчивы и неоднозначны, я все же знаю, что мои черты лица, осанка и манера речи не оставляют места для сомнений. Хотя я была знакома с африканской культурой благодаря религии моей матери и местным магазинам, но я к ним не относилась.

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«At the beginning of the six-episode series of <i>Black.White.</i>, the white family needs coaching from the black family in order to learn to pass as black. But the black family, as they explain after an uncomfortable silence, already know how to act white, of course, because that is the dominant culture within which they have to live their daily lives. Knowing how to act white is a survival skill for the black family. The white family, on the other hand, struggles with acting black, frequently committing tone-deaf errors, and ultimately not quite pulling it off. Perhaps my inability to pass is part of why I feel so trapped within my identity as a white woman. That identity does not feel chosen by me as much as it feels grudgingly accepted. But I haven't worked very hard to assimilate into any other racial group. And I have rarely turned down any of the privileges that my skin has afforded me. When it became clear to me, for instance, that my landlady was looking for a «nice» tenant, I did not inform her that if she was under the impression I was white, she should at least know I was not nice. In my mostly white high school, where the white boys who listened to rap and sagged their pants were called «whiggers,» we were trained to feel disdain for anyone who ranged outside the cultural confines of whiteness. But later, in my mostly white college, among whiggers and punks and hippies and tattooed freaks, I began to understand the significance of the effort to advertise one's resistance to the mainstream and undo one's access to privilege through a modification of one's clothing or body or skin» [46].	В начале сериала «Черный Белый» белая семья обращается за помощью к афроамериканской семье, чтобы научиться быть «своим». При этом темнокожая семья уже знает, что значит вести себя как «белый» — это навык выживания в доминирующей культуре, в рамках которой им приходится жить в повседневной жизни. Знание того, как вести себя «по-белому», — это навык выживания для черной семьи. А белая семья пытается подражать темнокожим, часто делая неуместные ошибки. Возможно, моя неспособность быть «своей» часть того, почему я чувствую себя запертой в своей идентичности белой женщины. Но я не прилагал значительных усилий, чтобы приспособиться в какой-либо другой расовой группе. Однако эта идентичность кажется мне не выбранной, а скорее принятой без особого желания. Я не старалась вписаться в другую расовую группу и редко отказывалась от привилегий, которые мне дает моя светлая кожа. Например, когда я поняла, что моя хозяйка ищет «милого» жильца, я не стала уточнять, что если она считает меня белой, то должна знать: я не такая уж «милая». В моей средней школе, где большинство учеников были белыми, где белых мальчиков, которые слушали рэп и носили обвисшие штаны, называли «сиволапыми», нас учили презирать всех, у кого кожа была хоть на чуточку темной. Но позже, в моем колледже, где учились преимущественно белокожие, среди сиволапов, панков, хиппи и татуированных фриков, я стал понимать, что люди пытаются выразить свой протест против общепринятых норм и отказаться от своих привилегий, изменяя стиль одежды или внешний вид.

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«My college was such a safe and nurturing place for misfits, especially rich misfits, that it was hard to believe that dreadlocks and tattoos and piercings would really inhibit anyone's ability to get a job, because they certainly weren't getting in the way of anyone's ability to get an education. And many of the punks and hippies who I went to school with have, after all that effort, found their way into positions of power and privilege by now. But I still believe it is important for white folks to find ways to signal that we cannot necessarily be trusted to act like white folks--that we cannot be trusted to hold white values, that we cannot be trusted to be nice, that we cannot be trusted to maintain the status quo. Noel Ignatiev, editor of the journal <i>Race Traitor</i>, has suggested that the power of the entire white race can be undermined by just a few members who consistently refuse to act according to the rules, and who refuse to be who they seem to be. At the end of the <i>Saturday Night Live</i> skit in which he was made-up as a white man, Eddie Murphy suggested exactly this possibility. «I got a lot of friends, and we've got of make-up,» he told the camera. «So the next time you're hugging up with some really super groovy white guy, or you've met a really great super keen white chick, don't be too sure. They might be black.»» [46].	Мой колледж был таким безопасным и уютным местом для отверженных, особенно для богатых отверженных, что сложно было представить, что дреды, татуировки или пирсинг могут помешать кому-то найти работу, ведь они точно не мешали получению образования. И многие из панков и хиппи, с которыми я ходил в одну школу, после всех этих усилий уже добились своего места в обществе. Но я по-прежнему считаю, что важно, чтобы белые люди находили способы показать, что нам нельзя безоговорочно доверять, что мы будем вести себя как белокожие люди в общепринятом смысле. Нам нельзя доверять, что мы будем придерживаться «белых» ценностей, что мы всегда будем милыми или приятными, что мы будем поддерживать статус-кво. Ноэль Игнатьев, редактор журнала <i>Race Traitor</i>, предположил, что влияние белой расы может быть ослаблено, если некоторые ее представители будут последовательно отказываться следовать правилам и оправдывать ожидания. В конце скетча <i>Saturday Night Live</i> Эдди Мёрфи, загримированный под белого человека, иронично высказал эту мысль: «У меня много друзей, а на лице у нас грим», - сказал он в камеру, намекая на то, что Так что в следующий раз, когда вы будете обниматься с каким-нибудь суперкрутым белокожим парнем или познакомитесь с отличной суперстрастной белокожей цыпочкой, не стоит быть слишком уверенным. Возможно, они окажутся темнокожими».

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«What exactly it means to be white seems to elude no one as fully as it eludes those of us who are white. In <i>Playing in the Dark: Whiteness and the Literary Imagination</i>, Toni Morrison observes that the literature of this country is full of images of impenetrable, inarticulate whiteness. And these images, she writes, are often set against the presence of black characters who are dead or powerless. She cites, as one example, Edgar Allen Poe's <i>The Narrative of Arthur Gordon Pym</i>, which ends with the death of a black man in a boat that is traveling on a milky white sea through a white shower towards a white veil behind which a giant white figure waits silently. And so it is not surprising that what Marlow, the ferry-boat captain in <i>Heart of Darkness</i>, finds deep in Africa, traveling on a boat manned by starving natives, is not darkness but a blinding white fog so thick it stops the boat, a white fog from behind which he hears chilling cries of grief. «Whiteness, alone, is mute, meaningless, unfathomable, pointless, frozen, veiled, curtained, dreaded, senseless, implacable. Or so our writers seem to say, » writes Toni Morrison. We do not know ourselves, and worse, we seem only occasionally to know that we do not know ourselves. «It was the whiteness of the whale that above all things appalled me, » Melville tells us in <i>Moby Dick</i>, «but how can I hope to explain myself here; and yet, in some dim, random way, explain myself I must» [46].	Что именно значит быть белым, кажется, не знает никто, как не знают и те из нас, кто является белым. Тони Моррисон в своей книге «Игра в темноте: белизна и литературное воображение» отмечает, что американская литература изобилует образами белизны, часто загадочной и туманной. Она подчеркивает, что эти образы часто возникают с присутствием темнокожих персонажей, которые мертвые или лишенные сил. В качестве примера она приводит роман Эдгара Аллана По «Повесть о приключениях Артура Гордона Пима», в котором финал показывает гибель чернокожего мужчины в лодке, плывущей по молочно-белому морю, сквозь белый дождь, к белой завесе. За этой завесой безмолвно возвышается гигантская белая фигура. Неудивительно, что Марлоу, капитан парома в повести «Сердце тьмы», путешествуя на лодке с голодающими туземцами, сталкивается в глубине Африки не с тьмой, а с ослепительным белым туманом, настолько густой, что останавливает лодку, и из-за него слышны пронзительные, леденящие душу крики. «Белизна, сама по себе, немая, бессмысленная, непостижимая, неразумная, застывшая, завуалированная, занавешенная, страшная, бессмысленная, непримиримая». Именно так, кажется, выражаются наши писатели, – отмечает Тони Моррисон. – Мы не знаем себя, и, что еще хуже, иногда лишь осознаем, что не знаем». «Ужас этот для меня заключался в белизне кита, – рассказывает нам Мелвилл в «Моби Дике», – Ну как тут можно что-нибудь объяснить? А ведь все-таки, как угодно туманно и несвязно, но объяснить свои чувства я должен».

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
««It's hard for me,» my cousin mused once as we waited for a train, «I have a lot of white family.» At the time, I couldn't fully appreciate what she was saying because I was hurt by the implication that I was a burden to her. But I would remember that comment years later, when I was watching a public television program in which Henry Louis Gates Jr. was working with genealogists to trace the family trees of a series of African Americans including Oprah Winfrey, Quincy Jones, Whoopi Goldberg, and himself. Many of their ancestors were slaves, but the genealogists also revealed that some of their ancestors included free blacks and, of course, whites. In a particularly awkward moment, a genealogist informed Gates that one of his ancestors was a white man who fought in the Revolutionary War against Native Americans and left a will that freed his slaves. As I watched Gates struggle with that information, I realized exactly how much the stories of our ancestors, as we imagine them now, mark our identities. It isn't easy to accept a slaveholder and an Indian-killer as a grandfather, and it isn't easy to accept the legacy of whiteness as an identity. It is an identity that carries a heavy burden of guilt without fostering a true understanding of the painfulness and the costs of complicity. That's why so many of us try to pretend that to be white is merely to be raceless. Perhaps it would be more productive for us to establish some collective understanding that we are both, white and black, damaged, reduced, and morally undermined by increasingly subtle systems of racial oppression and racial privilege» [46].	«Мне тяжело, – как-то сказала моя сестра пока мы ждали поезд, – у меня много белых родственников». Тогда я не совсем поняла её слова, потому что меня задел намек на то, что я для нее обуза. Но я вспомнила об этой фразе много лет спустя, когда смотрела передачу по общественному телевидению. В котором профессор Гарвардского университета Генри Луис Гейтс-младший вместе с генеалогами изучал родословные известных афроамериканцев, таких как телеведущая Опра Уинфри, продюсер Куинси Джонс, актриса Вупи Голдберг и он сам. Оказалось, что многие их предки были рабами, но генеалоги также обнаружили среди них свободных чернокожих, и, конечно же, белых. Был один особенно неловкий момент, когда генеалог сообщил Гейтсу, что один из его предков был белым человеком, который участвовал в Войне за независимость против коренных народов США и оставил распоряжение, по которому освободил своих рабов. Увидев реакцию Гейтса, я вдруг осознала, насколько важно для нас знать, кто были наши предки, и как это знание формирует нас как личность. Непросто принять в качестве предка рабовладельца и участника истребления коренных американцев. Непросто принять наследие белизны как часть своей идентичности. Эта идентичность несет на себе тяжелое бремя вины, не способствуя настоящему пониманию боли и цены соучастия. Возможно, поэтому многие из нас пытаются притвориться, что «быть белым» – значит «быть безрасовым». Однако, вероятно, более полезным было бы общее осознание того, что и белокожие, и темнокожие в равной степени пострадавшие, ущемлённые и морально подорванные изощренными системами расового угнетения и расовых привилегий.

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«Or perhaps it would be better if we simply refused to be white. But I don't know what that means, really. * * * «I feel like an unknown quantity,» my cousin remarked at some point during the year that we lived together. She was referring to the algebraic term, the unknown quantity x, which much be solved for, or defined, by the numbers in the equation around it. I remember, when I first encountered algebra, feeling the limits of my own comprehension break around the concept that one number in an equation could be unknown. And what baffled me most was that the answer, in algebra, was known, but the question was incomplete. I could see two faces of the Brooklyn clock tower from my bedroom window in the apartment I shared with my cousin. The hands on those faces never told exactly the same time, and I often chose to believe the one I most wanted to believe. I was usually late, either way. The year we lived in that apartment was the year of the 2000 census. By chance, my cousin and I were chosen to complete the long form of the census, and we were visited in person by a census taker who was charged with ensuring that this form was completed accurately. The census taker asked us to report the highest degree or level of school we had completed, how well we spoke English, and whether we did any work for pay. For every question he asked, my cousin asked one back. It became a kind of exchange, which is how we learned that our census taker was an artist when he wasn't taking the census. I laughed when my cousin asked him why he needed to know the address where she worked, and she cut her eyes at me. «It's not for him,» I said, trying to help, «It's for the government.» She pursed her lips. «I come from people,» she informed me, «who have learned not to trust the government» [46].	А может быть, решение в том, чтобы просто отказаться от самого определения «быть белым». Но я не понимаю, как это сделать на практике. «Я чувствую себя неизвестной величиной», - сказала моя сестра однажды в тот год, что мы жили вместе. Она имела в виду алгебраический термин - переменную «x», значение которой можно определить, решив уравнение. Я помню свой первый опыт знакомства с алгеброй и осознание того, что одно из чисел в уравнении может быть неизвестным. Больше всего меня удивляло то, что ответ в алгебре уже известен, но при этом само уравнение остается неполным, как будто чего-то не хватает. Из окна моей спальни в квартире, которую я делила с сестрой, я видела два циферблата бруклинской часовой башни. Стрелки на этих циферблатах всегда показывали разное время, и я часто выбирала верить в то, во что мне больше всего хотелось верить. В любом случае я часто опаздывала. В 2000 году, когда мы жили в этой квартире, была перепись населения. По случайности нас с сестрой выбрали для заполнения расширенной формы переписи, и к нам лично пришел переписчик, чтобы убедиться, что бланк заполнен правильно. Переписчик спрашивал о нашем образовании, уровне владения английским языком, наличии работы. На каждый его вопрос сестра отвечала встречным вопросом. Это превратилось в своеобразный обмен вопросами, так мы узнали, что наш переписчик был художником, когда не занимался переписью. Я усмехнулась, когда сестра поинтересовалась, зачем ему адрес ее работы, и она с укором взглянула на меня. «Это не для него лично, - попыталась я ее успокоить. — Это нужно правительству». Она поджала губы и ответила: «Я выросла в семье, которая научилась не доверять

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«And then there was question six: <i>What is this person's race?</i> The census taker marked the box in front of White for me, with no discussion, but my cousin spent quite a bit of time on this question. «What are my options?» she asked first. The list was surprisingly long for a document conceived by the government of a country that does not readily embrace subtlety or accuracy in just about any form: <i>White; Black, African American, or Negro; American Indian or Alaska Native; Asian Indian; Chinese; Filipino; Japanese; Korean; Vietnamese; Other Asian; Native Hawaiian; Guamanian or Chamorro; Somoan; Other Pacific Islander; or Some Other Race.</i> Our census taker would list all of these options several times, stumbling over the words every time, until he eventually handed the form to my cousin in frustration. Part of the problem was that the list did not include her first choice--Mixed Race. But it did, unlike the 1990 census, allow the census taker to mark more than one race. Eventually, he marked both White and Black.	Затем пришел черед шестого вопроса: «К какой расе относится опрашиваемый человек?». Переписчик, недолго думая, поставил галочку напротив «Белый», но моя сестра задержалась на этом вопросе. «Какие есть варианты?» - спросила она. Список оказался неожиданно подробным для документа, разработанного правительством, которое обычно не отличается вниманием к деталям и точности: белокожий; темнокожий, афроамериканец или негр; американский индеец, коренной житель Аляски; индеец; китаец; филиппинец; Японец; Кореец; Вьетнамец; Другой азиат; коренные жители Гавайев; гуаманцы или чаморро; сомоане; другие жители тихоокеанских островов; или представители других рас. Наш переписчик несколько раз перечислил все эти варианты, запинаясь, и в конце концов, в замешательстве, передал бланк моей сестре. Частично проблема была в том, что в списке не было желаемого варианта – «смешанная раса/ метис». Но, в отличие от переписи 1990 года, в этот раз можно было указать несколько вариантов расовой принадлежности. В итоге кузина отметила и «белокожий», и «чернокожий».
* * * «He has two mothers,» the Long Island woman said of the black baby to whom she gave birth, in a brazen refusal of the very terms in which her story was being told. She abandoned this idea only after it was suggested to her that this might be confusing for the child and perhaps even damaging. But she did not abandon her belief that the two boys who shared her womb should grow up knowing each other as brothers. «She wants him to know that she carried him and that she loved him and in the end made the ultimate sacrifice,» her lawyer said shortly after she surrendered the black baby to his parents. «And secondly, she wants him to know he has a brother» [46].	«У него две матери», – сказала жительница Лонг-Айленда о чернокожем ребенке, которого она родила, дерзко отказавшись от тех самых формулировок, которыми была наполнена ее история. Она отказалась от этой идеи только после того, как ей объяснили, что это может ввести ребенка в заблуждение и, возможно, даже навредить ему. Но она не отказалась от своей веры в то, что два мальчика, разделившие ее утробу, должны расти, зная друг друга в качестве братьев. «Она хочет, чтобы он знал, что она выносила его, любила его и в итоге принесла самую большую жертву», – сказал ее адвокат вскоре после того, как она передала чернокожего ребенка его родителям. «Кроме того, она хочет, чтобы он знал, что у него есть брат».

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«In the same statement, the white woman's lawyer also said, «The most important thing to her is that she wants this boy to know when he grows up that she didn't abandon him because of his race.» If that was the most important thing to her and not simply her lawyer's bad idea of what needed to be said, then her story was even sadder than it first appeared. She already feared, when he was four months old, that the baby she birthed and held and fed would grow up to believe she was racist. She was giving him up because he wasn't hers, but the fact that he was not hers was all caught up, for her and for many others, in his race and her own. Ultimately, it is not at all hard to understand why the baby's biological parents in New Jersey were so adamantly opposed to sharing custody with this woman. And so it was all the more surprising, all the more touching, when, after the white woman had refused them contact with the baby for the first three months of his life, and after several years of custody disputes and court cases and appeals, the black couple told reporters that they still remained open to having some relationship with the white couple in the future. They suggested that when their son was «mature enough to understand his unique beginnings» they might be able to reach out to the white couple «in friendship and fellowship.» They might be something less than family to each other, the black couple seemed to be suggesting, but they were more than strangers» [46].	В том же заявлении адвокат этой белой женщины подчеркнул: «Для неё самое важное, чтобы этот мальчик, когда вырастет, знал, что она отказалась от него не из-за его расы». Если это действительно было её искренним мотивом, а не просто неудачной формулировкой адвоката, то вся история становится ещё более трагичной. Уже в четыре месяца она боялась, что ребенок, которого она выносила, держала на руках и кормила, когда вырастет, заподозрит её в расизме. Она отказывалась от него, потому что он не принадлежал ей, а то, что он не принадлежал ей, для нее и для многих других было связано с его расой и ее расой. Неудивительно, что биологические родители ребенка из Нью-Джерси были против совместной опеки с этой женщиной. И поэтому было тем более удивительно и тем более трогательно, когда после того, как белая женщина отказала им в общении с ребенком в первые три месяца его жизни, и после нескольких лет споров об опекуновстве, судебных разбирательств и апелляций, чернокожая пара сообщила журналистам, что они по-прежнему открыты к тому, чтобы иметь хоть какие-то отношения с белой парой в дальнейшем. Они предположили, что, когда их сын «станет достаточно взрослым, чтобы понять уникальность своего происхождения», они смогут наладить с белой парой «дружеские отношения и общение». Для них белая пара могла бы стать кем-то меньшим, чем семья, но большим, чем просто чужие люди.

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«The Diploma Mill Essays / By Kevin P. Keating I am an instructor of English at a small, private college near Cleveland, Ohio. With its tree-lined streets, gothic architecture and sprawling quad, the college is an idyllic setting and one that disguises some unsightly truths. Like a Hollywood movie set, the college campus is all artifice, a make-believe world where actors appear for a short time, recite their lines, and then exit the sound stage of higher education forever. I say this because the longer I teach, the more convinced I become that, in general, a college education takes the form of a very predictable and tedious script in which students are asked to memorize material and then regurgitate that material on an exam, after which time they forget everything they've just memorized ("learned" would be too hopeful a word), only to repeat the cycle again next semester. After four years of reciting various soliloquies in a plodding monotone, students attend a graduation ceremony that in many respects mimics the Academy Awards except for the fact that everyone, no matter his or her level of competence, is given a diploma from the dean and an ovation from the befuddled professors who seem a bit perplexed by the whole event as if it were some kind of elaborate hoax. There are, of course, many reasons for their stupefaction» [40].	Фабрика дипломов Эссе / Кевин П. Китинг Я преподаватель английский язык в небольшом частном колледже недалеко от города Кливленда, штат Огайо. Колледж с усаженными деревьями аллеями, готической архитектурой и просторным кампусом, кажется идиллическим местом, который скрывает за собой неприглядную тайны. Колледж, как голливудская съемочная площадка, представляет собой своего рода искусственный мир, где актеры в лице студентов ненадолго появляются, произносят свои реплики и навсегда покидают эту звуковую сцену высшего образования. Я говорю так, потому что чем дольше я преподаю, тем больше убеждаюсь, что образование в колледже в целом превращается в очень предсказуемый и утомительный спектакль, в котором студентов просят зазубрить материал, а затем выдать его на экзамене, после чего они напрочь забывают всё, что только что «вызубрили» (назвать это «выучили» было бы слишком обнадеживающим словом), чтобы повторить этот цикл снова в следующем семестре. После четырех лет чтения различных шпаргалок на унылом, монотонном языке, студенты попадают на церемонию вручения дипломов, которая во многом напоминает вручение «Оскара», за исключением того, что каждому, независимо от его реальных знаний и умений, вручается диплом от декана и аплодисменты от озадаченных профессоров, которые, кажется, немного недоумевают по поводу всего этого события, как будто это какой-то тщательно продуманный розыгрыш.

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«Recently, NBC Nightly News reported that 69% of college graduates are functionally illiterate; that is, they cannot read or comprehend complex material. Another study released by The New York Times suggests that 50% of Americans did not read a single book last year. A third study claims that America has reached its highest level of adult illiteracy in decades. Although I cannot speak for education in general, I do believe there are several reasons why we are experiencing a crisis at the college level. The first is that college students are only required to take one year of English, usually a semester or two of low level composition classes, and because so many of these students are now graduating from American high schools without the ability to identify nouns and verbs (I'm not making this up), beleaguered instructors are forced to spend the majority of their time teaching students how to write simple sentences and paragraphs. As a result, complex material is never discussed in class. There's just no time for a serious analysis of, say, an essay by Gore Vidal or Isaiah Berlin when instructors must teach students the difference between "there" and "their." As you might imagine, this is not good for morale among faculty members. Teaching a student how to make sense of a front-page story in the Cleveland Plain Dealer is not the same thing as teaching a student the dramatic power and existential themes of Hamlet» [40].	Недавно на телепередаче NBC Nightly News прозвучало, что 69% выпускников колледжей обладают функциональной неграмотностью – они не способны читать и понимать сложные тексты. Другое исследование, опубликованное в The New York Times, показало, что 50% американцев в прошлом году не прочитали ни одной книги. В третьем исследовании подчёркнуто, что в Америке за последние десятилетия зафиксирован самый высокий уровень неграмотности среди взрослого населения. Не имея возможности судить о системе образования в целом, я все же считаю, что кризис в колледжах вызван рядом причин. Во-первых, программа обучения в колледже предполагает всего один год изучения английского языка, что обычно выливается в один-два семестра занятий по основам написания сочинений. При этом значительная часть студентов поступает в колледжи, окончив американские средние школы, но так и не научившись отличать существительные от глаголов (это не преувеличение). В результате преподаватели вынуждены тратить большую часть времени на то, чтобы научить их писать простые предложения и абзацы. Таким образом, на обсуждение сложного материала просто не остается времени. Невозможно проводить серьезный анализ, например, эссе писателя Гора Видала или философа Исая Берлина, когда необходимо объяснять студентам разницу между «there» и «their». Неудивительно, что это сильно демотивирует преподавателей. Ведь научить студента понимать статью на первой странице газеты Cleveland Plain Dealer – это не то же самое, что раскрыть перед ним драматическую силу и экзистенциальные темы «Гамлета».

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«A second reason for the crisis is that instructors of composition courses tend to be adjunct faculty who are paid scandalously low wages and are given no benefits whatsoever. Because they see no future in this line of work, adjuncts tend to teach composition for a few semesters and then leave college for greener pastures. As a result, there is no quality control. While one instructor may be quite dedicated, hunkering down in the trenches of composition classes, another may be a bit more lackadaisical. There does seem to be one common denominator among adjuncts: they're all rather stoic, mostly because they exist in a kind of intellectual purgatory. Without any kind of safety net (no union representation and no possibility of tenure) adjuncts find it difficult to challenge students in any meaningful way. What's more, they feel pressured to pass students who are clearly unprepared for more sophisticated kinds of reading and writing. This brings me to a third point. As we all know, college has become a business, and like all businesses, the management, in an attempt to maximize profits, is always on the prowl for cheap labor. Last year, for example, over 60% of the staff at Lorain County Community College was adjunct despite attaining record levels of enrollment. These so-called "cost cutting measures" by the administration have not helped consumers in any significant way» [40].	Вторая причина кризиса заключается в том, что преподаватели по сочинению, как правило, являются стажеры-преподавателями, которые получают возмутительно низкую зарплату и не имеют никаких социальных льгот. Не видя перспектив в этой профессии, стажеры, как правило, преподают уроки по сочинению несколько семестров, а затем уходят из колледжа в поисках более выгодных условий. В результате страдает качество образования. В то время как один преподаватель может быть очень преданным своему делу, целиком отдаваясь занятиям по сочинению, другой может относиться к этому более формально. Тем не менее, у всех стажеров есть одна общая черта: они довольно стойко переносят трудности, главным образом потому, что существуют в своего рода интеллектуальном «подвешенном состоянии. Без какой-либо страховки (без профсоюзного членства и без возможности получить стаж) стажерам трудно бросить студентам какой-либо значимый вызов. Более того, они чувствуют давление, вынуждающее их ставить зачеты студентам, которые явно не готовы к более сложным видам чтения и письма. Это подводит меня к третьему важному моменту. Как известно, колледж превратился в бизнес, и, как в любом бизнесе, руководство, стремясь к максимальной прибыли, всегда ищет способы сэкономить на рабочей силе. Например, в прошлом году более 60% сотрудников Lorain County Community College составляли стажеры (адъюнкты), несмотря на рекордный набор студентов. Эти так называемые «меры по сокращению расходов», принятые администрацией, никак не помогли самим студентам.

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«Many parents are now paying more than ever before for their child's college education, and they demand results, but as the sociologist Jane Jacobs noted in her recent book <i>Dark Age Ahead</i>, Americans are no longer paying for an education per se; they are instead paying for an accreditation. In the end, what truly matters to parents is that junior receives (rather than earns) a college diploma so he can get a job and begin repaying some of those astronomical student loans. Shakespeare and Faulkner are completely inconsequential to this equation. This brings me to the fourth reason for this crisis. English is simply not important to students. Having completed one or two composition classes, most students never take another writing class and are never asked to write anything that will sharpen their critical thinking skills. Some professors in upper-level classes might have their students write simple book reports; that is, papers that merely summarize rather than analyze and evaluate complex material. I know this for a fact because each year a group of instructors, myself included, get together to look over papers written by students over their four-year college career. Time and again what we find is that no progress has been made in a student's writing skills from his freshman year to his senior year. In fact, as the requirement for critical thinking declines with each passing semester so does the quality of the writing. Professors who have participated in these reading sessions all agree that the problem has become a pandemic in the sense that it is universal and spreading at an uncontrollable rate» [40].	Многие родители сегодня платят за обучение своего ребенка в колледже больше, чем когда-либо, и, естественно, ожидают отдачи, но, как отметила социолог Джейн Джейкобс в своей книге «Надвигающийся тёмный век», американцы платят не столько за само образование, сколько за аккредитацию. В конечном счете, для родителей главное, чтобы их ребенок получил, а не заслужил диплом колледжа, чтобы устроиться на работу и начать выплачивать огромные студенческие кредиты. Шекспир и Фолкнер в этой схеме совершенно не важны. Английский язык просто не важен для студентов. Пройдя один или два урока по написанию сочинений, большинство студентов больше никогда не посещают занятия по письму, и их никогда не просят написать что-нибудь, что отточит их навыки критического мышления. Некоторые преподаватели на старших курсах могут заставить своих студентов писать простые рефераты по книгам, то есть работы, в которых просто обобщается, а не анализируется и оценивается сложный материал. Я знаю это наверняка, потому что каждый год группа преподавателей, включая меня, собирается вместе, чтобы оценить работы, написанные студентами за все четыре года обучения в колледже. И мы раз за разом приходим к выводу, что никакого прогресса в развитии письменных навыков у студентов с первого по последний курс не наблюдается. Более того, с каждым семестром требования к критическому мышлению снижаются, так же, как и качество письменных работ. Профессора, участвующие в этих сессиях чтения, единогласно признают, что проблема приобрела масштабы пандемии, то есть стала повсеместной и распространяется с невероятной скоростью.

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«Because there seems to be no way to inoculate young people, this infestation of intellectual apathy, like any disease, may need to run its course and die out naturally. The notion of intellectual apathy and, perhaps more importantly, pragmatism brings me to my fifth point. Students today believe that college is a minor inconvenience and, worse still, an unavoidable evil that must be dealt with in order to get that coveted degree. This attitude, I suspect, is the consequence of a new conservative paradigm in America. For several years now, right wing political pundits have been telling their minions that college professors, seditious liberals one and all, are responsible for whatever problems, real or imaginary, that face our nation. In a recent broadcast of his fair and balanced talk show, Bill O'Reilly claimed that college should be purely vocational rather than intellectual in nature. He need not worry about this as most colleges have already become vocational schools. Still, the cocksure O'Reilly argued that literature and philosophy courses are all a big waste of time. Kids have no practical use for things like psychology and art history. What they need are more classes in business management and electrical engineering. O'Reilly's guest that evening, a soft-spoken professor with a deer-in-the-headlights look about him, foolishly tried to argue the importance of critical thinking but was of course shouted down before he could complete a sentence» [40].	Поскольку, похоже, не существует способа «привить» молодых людей от этого, зараза интеллектуальной апатии, как и любая другая болезнь, должна пройти свой путь и сойти на нет естественным образом. Понятие интеллектуальной апатии и, что еще важнее, прагматичного подхода к образованию, подводит меня к пятому пункту. Сегодня студенты воспринимают колледж как досадную помеху или, что еще хуже, как неизбежное зло, которое нужно перетерпеть, чтобы получить заветный диплом. Такое отношение, как мне кажется, является следствием новой консервативной парадигмы в Америке. Уже несколько лет правые политические обозреватели внушают своим сторонникам, что профессора колледжей - сборище либералов и подстрекателей - виноваты во всех проблемах, реальных или надуманных, с которыми сталкивается наша страна. В одном из недавних выпусков своего беспристрастного ток-шоу Билл О'Рейли заявил, что колледж должен быть исключительно ориентирован на профессиональную подготовку, а не на интеллектуальное развитие. Впрочем, ему не о чем беспокоиться, поскольку большинство колледжей и так уже превратились в профессиональные училища. Тем не менее, самоуверенная американская издательская компания О'Рейли утверждала, что уроки литературы и философии — это пустая трата времени. По его мнению, такие предметы, как психология и история искусств, не приносят никакой практической пользы. Детям нужно больше занятий по управлению бизнесом и электротехнике. Гость О'Рейли в тот вечер, профессор, выглядевший, мягко говоря, как олень перед фарами, робко пытался доказать важность развития критического мышления, но, разумеется, был грубо перебит, не успев закончить свою мысль.

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«No one would deny that Americans are a pragmatic bunch, but at what point can a strictly utilitarian approach to education begin to adversely affect an entire people? I would argue that we have become not only a culturally isolated nation, but a culturally illiterate one as well. Which brings me to my final point. The people of the United States have so politicized ideas and the discussion of ideas that professors are reluctant to speak about anything of substance with their students for fear of offending them. Recently, a member of the Ohio state senate, Ralph Regula of Navarre, accused liberal professors of intimidating their conservative students (specifically and significantly their conservative Christian students) with leftist rhetoric. Regula sagely introduced new legislation that would require professors with a liberal bias to give equal time in their classrooms to opposing viewpoints, theoretically opening the door to holocaust deniers, hate groups and religious fundamentalists who take issue with fantasies and delusions like “science.” The administration at Cleveland State University thought the senator had a point and drew up new guidelines for instructors, thus bogging down the concept of intellectual freedom with even more political correctness and inscrutable bureaucratic legalese. Regula’s point: a college classroom is certainly not the proper forum to discuss substantive ideas of any kind. The overall problem of American anti-intellectualism, now so much a part of our national character, seems systemic in nature, and there can be no single solution to so complex a problem. Simply put, the most obvious solutions are the most unrealistic ones» [40].	Никто не станет отрицать, что американцы - люди весьма расчетливые, но в какой момент сугубо утилитарный подход к образованию может начать негативно сказываться на целом народе? Я бы утверждал, что мы стали не только культурно изолированной, но и культурно неграмотной нацией. Отсюда я перехожу к последнему пункту. В Америке политика настолько сильно влияет на разговоры, что профессора боятся обсуждать со студентами что-то важное, чтобы их не обидеть. Недавно сенатор Ральф Регула обвинил либеральных профессоров в том, что они запугивают консервативных студентов (особенно христиан) левыми идеями. Сенатор мудро представил новый закон, который обяжет профессоров с либеральным уклоном уделять равное время в своих аудиториях противоположным точкам зрения, теоретически открывая двери для отрицателей Холокоста, групп ненависти и религиозных фундаменталистов, которые не принимают фантазии и заблуждения вроде «науки». В администрации Кливлендского государственного университета посчитали, что сенатор не зря так старался, и разработали новые правила для преподавателей, тем самым загромоздив концепцию интеллектуальной свободы еще большей политкорректностью и непостижимым бюрократическим юридическим языком. По мнению сенатора, учебная аудитория колледжа - не лучший выбор для обсуждения любых существенных идей. Общая проблема американского антиинтеллектуализма, ставшего сегодня неотъемлемой частью нашего национального характера, приобретает системный характер, и единого решения столь сложной проблемы быть не может. Проще говоря, самые очевидные решения - самые нереалистичные.

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«Christian Right (which has now co-opted one political party) will ever relent in its war against secular humanism and intellectual endeavors in general, mostly because no one in a leadership role has the courage to stand up to them and insist that human reason is far superior to human fervor. This is called cultural suicide. Americans outwardly profess a deep devotion to individualism but secretly they crave some form of authoritarianism. Ironically, they do not seek out those individuals who actually possess authority in particular fields of study. Instead they opt for factious ideologues who engage in hysterical proselytizing and demagoguery of the most reprehensible sort. Of course now that the current administration finds itself in an ever more untenable situation, both politically and ideologically, all of this may begin to change, and we may yet see a paradigm shift. Until then I will watch from my seat as college graduates cross the stage to accept their diplomas and silently wonder how many of them can actually understand the phrase “in recognition of the satisfactory fulfillment of the requirements pertaining to this degree...”» [40].	Христианские правые (которые теперь кооптировали одну политическую партию) никогда не ослабнут в своей войне против светского гуманизма и интеллектуальных усилий в целом, в основном потому, что никто из лидеров не имеет смелости противостоять им и настаивать на том, что человеческий разум намного превосходит человеческий пыл. Это называется культурным самоубийством. Американцы на словах очень ценят индивидуализм, но втайне многие из них тяготеют к авторитаризму в той или иной форме. При этом, как ни странно, они не ищут экспертов, обладающих реальным авторитетом в определенных областях знаний. Вместо этого они предпочитают идеологов, занимающихся навязчивой пропагандой и демагогией самого отвратительного толка. Конечно, сейчас, когда нынешняя администрация сталкивается со все большим количеством проблем, как в политическом, так и в идеологическом плане, ситуация может измениться, и мы еще можем увидеть смену приоритетов. А пока я буду наблюдать за церемонией вручения дипломов и молча гадать, сколько из выпускников на самом деле понимают смысл фразы «в знак успешного выполнения требований, предъявляемых к этой научной степени...».

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«Poetry City Essays / By Cole Swensen I'm going to talk about not poetry of the city, but poetry as a city. Poetry is a city of words, a complex heterogeneity that functions both as its parts and as a whole. It's full of systems—metaphoric, symbolic, sonic—analogue to the sewage, electrical, and transportation systems that animate a city. You look at a jagged skyline, and see the ragged right margin; you read through the quick shifts of much contemporary poetry, and think of a busy intersection in which your view is cut off by a bus one moment, then opened up the next, and then filled with a crowd crossing the street the next. The poetic forms most common in the Western world today emerged with modernism, itself a product of the shift in consciousness that accompanied the urban explosion of the mid-nineteenth century. Modernist poetry and cities mirror each other, shed light on each other, and remain together in important works, such as Baudelaire's, that predict and theorize the city as much as they record it. I'm being somewhat tongue-in-cheek, but only somewhat when I say that a poem is the city of language just as prose is its countryside. Prose extends laterally filling the page's horizon unimpeded, while poetry is marked by dense verticality, by layerings of meaning and sound. Cities and poetry also share compression, heterogeneity, juxtaposition, and several other things I'm going to touch on briefly in the following» [45].	Город поэзии Эссе / Коул Свенсен Я буду говорить не о поэзии города, а о поэзии как городе. Поэзия — это город слов, сложная неоднородность, которая функционирует и как часть, и как целое. В ней множество систем - метафорических, символических, звуковых - аналогичных канализационным, электрическим и транспортным системам, оживляющим город. Вы смотрите на изрезанный горизонт и видите неровный правый край; вы читаете о быстрой смене мест в современной поэзии и думаете об оживленном перекрестке, где ваш обзор в один момент перекрыт автобусом, в другой - открыт, а в третий - заполнен толпой, переходящей улицу. Поэтические формы, наиболее распространенные сегодня в западном мире, возникли в эпоху модернизма, который сам по себе является продуктом сдвига в сознании, сопровождавшего городской взрыв середины девятнадцатого века. Модернистская поэзия и города отражают друг друга, проливают свет друг на друга и находятся вместе в таких важных произведениях, как произведения Бодлера, которые предсказывают и анализируют город в той же степени, что и описывают его. Я немного придираюсь, но лишь немного, когда говорю, что стихотворение — это город языка, точно так же как проза - его пригород. Проза простирается вбок, беспрепятственно заполняя горизонт страницы, а поэзия отличается плотной вертикальностью, наложениями смысла и звука. Города и поэзию также объединяют сжатие, неоднородность, сопоставление и некоторые другие вещи, которые я вкратце рассмотрю далее.

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«The base structure of both the city and the poem is the labyrinth. In the city, it's the physical plan. As in any maze, you can only see to the next corner, never around it. Nineteenth-century Paris is routinely described, in Balzac, Poe, Baudelaire, and elsewhere, as a labyrinth, and as such, something that needs to be unraveled, something coiled up, convoluted, ready to spring. Meaning is often similarly coiled within a poem—not laid out directly; one must follow intricate turns of thought, and unravel. This is related to another common element: both are based on obscurity, and productive obscurity, at that. The urban imagination is driven more by what it cannot see than by what it can. Urban obscurity can be caused by corners, crowds, passing traffic, or nighttime—which is as occupied as day. Poetry's obscurities are ambiguity, insinuation, ellipsis, but also darkness—that of the unlit regions beyond logic and reason, regions of impulse and emotion. Poetry is an inherently nocturnal medium, comfortable with shadows, shadowy explanations and shadowy emotions. Keats's negative capability keeps its balance in the dark world of potential rather than the daylight world of the actual» [45].	Основой структуры и в городе, и в поэме является лабиринт. В городе это физический план. Как и в любом лабиринте, вы можете увидеть только следующий поворот, но никогда не обойти его. Париж девятнадцатого века у Бальзака, По, Бодлера и в других произведениях постоянно описывается как лабиринт, и как нечто такое, что нужно распутать, что-то свернутое, запутанное, готовое вырваться на свободу. Часто смысл подобным образом свернут внутри стихотворения - он не излагается прямо; нужно следовать сложным поворотам мысли и распутывать его. Это связано с еще одним общим элементом: оба они основаны на неизвестности, причем на плодотворной неизвестности. Городским воображением движет скорее то, что оно не способно увидеть, чем то, что способно. Городская неизвестность может быть вызвана углами, толпой, проезжающим транспортом или ночным временем, которое так же занято, как и день. Неизвестность поэзии — это двусмысленность, инсинуация, эллипсис, а также темнота - неосвещенные области за пределами логики и разума, области импульса и эмоций. Поэзия по своей природе является ночным средством, удобным для теней, теневых объяснений и теневых эмоций. Отрицательная способность - концепция английского поэта Джона Китса, сохраняет равновесие в темном мире потенциального, а не в освещенном дневным светом реальном мире.

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«Juxtaposition is another crucial common structural element—in a city, we find a church right next to an apartment building right next to a newspaper office. The newspaper itself, the quintessential urban organ, replicates this juxtaposition in miniature: the story of a political coup in right next to an ad for diamond necklaces and a theater review. These things have no connection other than their proximity, and their proximity always demands a mental leap, always serves to put each element out of a context that might naturalize it, making it stand out more vividly. And poetry, too, of course, thrives on juxtaposition on many levels—incongruent images, images right next to abstractions or declarations, sense that doesn't match its sound, and so forth. It's the leaps in contrast to moments of flow that allow for the sonic dynamics of poetry and make those dynamics one of its most important aspects.	Сопоставление – еще один ключевой элемент, объединяющий город и поэзию: в городе мы видим церковь прямо рядом с многоквартирным домом, расположенным прямо рядом с редакцией газеты. Сама газета, квинтэссенция городского органа, воспроизводит это сопоставление в миниатюре: история политического переворота прямо рядом с рекламой бриллиантовых ожерелий и театральной рецензией. Эти вещи ничем не связаны, кроме пространственной близости, и эта близость всегда требует умственного усилия, всегда вырывает каждый элемент из контекста, который мог бы его «приручить», и делает его более ярким. И поэзия, конечно, тоже процветает благодаря сопоставлению на разных уровнях – несочетаемые образы, образы рядом с абстрактными понятиями или утверждениями, смысл, не соответствующий звучанию, и так далее. Именно эти «скачки» на фоне плавного течения создают звуковую динамику поэзии и делают эту динамику одним из важнейших ее аспектов.
Collage is an extension of juxtaposition, and arose as a central invention of modernism just as omnibuses, trains, even automobiles were becoming more common. From such vehicles, the city as a collaged composition becomes visible, the eye filling with one scene upon which another was quickly superimposed.	Коллаж — это продолжение сопоставления, и возник он как центральное изобретение эпохи модернизма как раз в то время, когда omnibuses, поезда и даже автомобили становились все более распространенными. Благодаря этим видам транспорта город предстает перед нами как коллажная композиция: взгляд фиксирует одну сцену, которая тут же сменяется другой.
An alternative to juxtaposition, similarity-in-difference plays a lively role in both poetry and city» [45].	Альтернативой сопоставлению является сходство в различии, которое играет важную роль как в поэзии, так и в городе.

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«In the latter, repetitions such as rowhouses, streetlights, street signs, corner groceries supply a repetition of elements that differ slightly, fusing familiarity with novelty, predictability with surprise in the way that refrains or the repeating elements that distinguish a villanelle or a pantoum, or even a haiku do. Even free verse poems often use parallelisms and repetitions to offer coherence, and all rhyme is essentially the exploitation of similarity-in-difference.	В городе это проявляется в повторении элементов, немного отличающихся друг от друга, таких как ряды домов, фонари, уличные вывески, продуктовые магазины на углу. Эти повторы связывают знакомое с новым, предсказуемость с неожиданностью, подобно рефренам или повторяющимся элементам, характерным для вилланели, пантума или даже хокку. Даже стихи в свободной строфе часто используют параллелизмы и повторы, чтобы обеспечить связность, а любая рифма — это, по сути, эксплуатация сходства в различии.
The increasing speed of urban life is echoed in modernist poetry's relative brevity—both make the most of small space, both do compression with grace. Lorine Niedecker's condensery is a verbal city, pulling in material from all sides and distilling it to clear, active, independent units.	Ускорение темпа городской жизни находит отражение в относительной краткости модернистской поэзии. И то, и другое стремится максимально использовать небольшое пространство и сжимает его изящно. Стихи Лорин Нидеккер, полные сжатых образов, подобны словесному городу, который втягивает в себя разнообразный материал и перерабатывает его в четкие, динамичные и самостоятельные элементы.
In Paris "Belle époque" par ses écrivains, Marie Claire Bancquart states, "The danger of a capital as extensive as Paris is that it permits all sorts of imposture"—as does the poem, and in both cases, imposture is based on anonymity, which in turn can be seen as a slippage of subjectivity (p. 126). The I gets dispersed in the city as patterns of recognition change—one is known by many, but in fragments; we are glimpsed, a neighbor to one, a regular customer to another, a stranger who walks past every day at five to another. In a poem, the I also shifts, disperses, represents often only a fragment of a whole being. In one instance, it's a set of memories, in another, a faculty of observation» [45].	В книге «Paris «Belle époque» par ses écrivains» Мари-Клер Банкварт утверждает: «Опасность такого огромного города, как Париж, в том, что он создает условия для всевозможных видов самозванства». То же самое можно сказать и о стихотворении. И в городе, и в поэзии самозванство основано на анонимности, которую, в свою очередь, можно рассматривать как ускользание субъективности (с. 126). «Я» растворяется в городе по мере того, как меняются способы его узнавания: кто-то известен многим, но лишь фрагментарно; нас видят мельком: сосед — в одном месте, постоянный клиент — в другом, незнакомец, проходящий мимо каждый день в пять часов, — в третьем. В стихотворении «Я» также меняется, распадается на части, представляя собой зачастую лишь фрагмент целого. В одном случае это набор воспоминаний, в другом — способность к наблюдению.

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«It can detach, take on personas, switch rapidly among points of view. In both city and poem, the I is set lose from the subject, becomes less attached to the history of a body, of a particular, trackable person. In both poem and city, we more clearly see the I as a construct, while simultaneously, more possibilities for its creative construction are available. In both, the I is stripped down past its name, becoming only an immediate presence and action, and inverting the notion of anonymity—suddenly rather than meaning invisibility, it means the acute visibility of that which is right in front of you, that which determines the moment, and thus those that follow. The abstractions of identity become the concrete of activity in both the city and the poem. Imposture also implies illusion, and both city and poem have specific and similar relations to illusion. Georges-Eugène Haussmann’s reconstruction of Paris was based on the illusion of the endless avenue, accentuated by trees and planned vistas, a pattern that’s been picked up by many city planners worldwide; American cities splice the illusions of billboards and advertising posters into the “real” view, while poems rely on all sorts of illusions from metaphor and metonymy to persona and vivid image» [45].	Оно может отделяться от себя, надевать маски, быстро переключаться с одной точки зрения на другую. И в городе, и в стихотворении «Я» отделяется от конкретного человека, становится менее связанным с его историей. В стихотворении, как и в городе, мы лучше видим «Я» как конструкцию, и одновременно открывается больше возможностей для его творческого конструирования. В обоих случаях «я» отделяется от своего имени, становясь лишь непосредственным присутствием и действием, и это переворачивает понятие анонимности: внезапно, вместо невидимости, она означает острую видимость того, что находится прямо перед вами, того, что определяет момент, а значит, и последующие моменты. Абстрактные представления об идентичности становятся конкретными действиями как в городе, так и в стихотворении. Самозванство также подразумевает иллюзию, и как город, так и поэма имеют особенные, схожие отношения с ней. Реконструкция Парижа, проведенная Жоржем-Эженом Османом, строилась на иллюзии бесконечных проспектов, подчеркнутых деревьями и тщательно спланированными видами. Эту модель переняли многие градостроители по всему миру. Американские города встраивают иллюзии рекламных щитов и плакатов в «реальный» городской пейзаж. А стихи опираются на все виды иллюзий: от метафоры и метонимии до олицетворения и ярких образов.

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«Modernism saw the rise of new forms of the city, and along with it, new forms of the poem, one of the most prominent being free verse. Poetry, broadly speaking, became less regular, with more various rhythms, denser images, and more violent juxtapositions. Its unpatterned but nonetheless foregrounded sound reflects the increasing cacophony of increasingly industrialized and mechanized living. Prose poetry was the most radical new poetic form, and the one most tied to the urban, though it happens to refute some of my points. But what it lacks in the ragged right margin and vertical orientation, it makes up in its block structure, which echoes the delimitation of space by city streets. Even cities without a grid structure, such as Paris, where the prose poem originated, still divide space relatively uniformly. The city occurs in chunks just large enough to hold in the mind, just as a prose poem is usually a single gesture, whether image, thought, or impression. The second collection of prose poems ever written was Baudelaire's Paris Spleen, and many of them directly address Paris. Paris offers a particularly fruitful instance of the city/poetry cross-over. It went through a complete transformation during the second half of the nineteenth century, becoming emblematic of industrial urban explosion, and it has fostered some of the poetry most firmly indebted to the city. Paris's poets are marked by their specificity—they name the streets they walk down and the churches or monuments they pass» [45].	В эпоху модернизма возникли новые формы города, а вместе с ними и новые формы стихотворения, одной из самых заметных из которых стал свободный стих. Поэзия в целом стала менее упорядоченной, с более разнообразными ритмами, более плотными образами и более резкими сопоставлениями. Ее хаотичное, но выразительное звучание отражает нарастающую какофонию индустриальной и механизированной жизни. Стихотворение в прозе стало самой радикальной новой формой и наиболее тесно связанной с городом, хотя и противоречит некоторым моим утверждениям. Но то, чего ему не хватает в неровном правом поле и вертикальной ориентации, он компенсирует блочной структурой, которая повторяет разграничение пространства городскими улицами. Даже города с хаотичной планировкой, такие как Париж, где и зародился этот жанр, все равно делят пространство относительно равномерно. Город предстает перед нами в виде кусков, достаточно больших, чтобы удержаться в сознании. Точно так же и стихотворение в прозе обычно выражает одну основную мысль, будь то образ, идея или впечатление. Втором сборнике стихотворений в прозе, когда-либо написанной, был «Парижский сплин» Бодлера, и многие стихотворения в этом сборнике напрямую посвящены Парижу. Париж – особенно удачный пример взаимосвязи города и поэзии. Во второй половине XIX века он полностью преобразился, став воплощением индустриального городского взрыва, что способствовало появлению поэзии, наиболее тесно связанной с городом. Парижские поэты отличаются конкретностью – они называют улицы, по которым ходят, церкви и памятники, мимо которых проходят.

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«One can often mentally follow them through the city they're writing about. Three of the best known—Charles Baudelaire of the mid–nineteenth century, Guillaume Apollinaire of the early twentieth century, and Jacques Roubaud of the late twentieth, early twenty-first century, all approach Paris walking. As they write it, Paris becomes a map of the mind and the heart, a map of the place where mind and heart intersect into daily life. The city is itself a walking, which the poet merely traces, trying to stay on its trail. The city is always something going on ahead, something that just turned the corner, that just slipped out of view. The city is posited as something unseizeable, something whose body is necessarily amorphous, and that just might be concretized by the mapping the poet does in his walking. If the city can never be stable, at the least the poet, through the two-sided walking-mapping that is writing, can construct a complementary version in which he or she can live in relative stability. Baudelaire captured this essential transience in a famous line from his poem “The Swan”: “La forme d’une ville / Change plus vite, hélas! que le cœur d’un mortel” [The form of a city / changes faster, alas, than the heart of a mortal]. And Jacques Roubaud picked it up with a slight variation (“La forme d’une ville change plus vite, hélas, que le cœur des humains”) as the title for a book of 150 poems on Paris published in 2000» [45].	Часто можно мысленно проследить за их прогулками по городу, о котором они пишут. Трое из самых известных - Шарль Бодлер середины XIX века, Гийом Аполлинер начала XX века и Жак Рубо конца XX — начала XXI века - они все описывают Париж, переживая его пешком. В их произведениях Париж становится не просто местом на карте, а отражением их мыслей и чувств, местом, где разум и сердце встречаются в повседневной жизни. Город — это само хождение, которое поэт лишь прослеживает, стараясь не сбиться с пути. Город — это всегда что-то, что происходит впереди, что-то, что только что свернуло за угол, что только что ускользнуло из виду. Он представляется чем-то огромным, неохватным, чьи очертания постоянно меняются. Единственный способ придать ему форму – это картографировать его, как это делает поэт во время своей прогулки. Город никогда не бывает статичным, но поэт, благодаря письму, создаёт его альтернативную версию, более стабильную, в которой он может найти своё место. Бодлер выразил эту изменчивость города в знаменитой строке из стихотворения «Лебедь»: «La forme d'une ville / Change plus vite, hélas! que le coeur d'un mortel» [Форма города / меняется быстрее, увы, чем сердце смертного]. Жак Рубо, в свою очередь, взял эту фразу с небольшим изменением («La forme d'une ville change plus vite, hélas, que le coeur des humains» – Форма города меняется быстрее, увы, чем сердце людей) в качестве названия для своей книги из 150 стихотворений о Париже, опубликованной в 2000 году.

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«And in between them, Apollinaire wrote one of his most famous poems, “Zone,” as a day-long walk through Paris. In the middle, he takes a mental detour, and wanders all over Europe, as if the city simply expanded and expanded. And like Baudelaire, who, in “Crowds” wrote, “The solitary meditative walker draws an unusual excitement from this universal communion,” Apollinaire’s walking is also solitary, as is Roubaud’s: “This incidental day in the rue Saussure / I walk slowly fearing to forget”—it is, above all, Saussure’s city, a system of signs that attains meaning through differences that are always arbitrary, but often arranged in a deeply moving way» [45].	Между поэтами Аполлинер написал одно из самых известных своих стихотворений, «Зона», которое описывает его однодневную прогулку по Парижу. В середине стихотворения он словно отправляется в мысленное путешествие и блуждает по всей Европе, как будто город разрастается до невероятных размеров. Подобно Бодлеру, который в стихотворении «Толпа» писал: «Одинокий гуляка-созерцатель черпает необыкновенное возбуждение в этом всеобщем общении», прогулки Аполлинера, как и прогулки Рубо («В этот случайный день по улице Соссюра / Я иду медленно, боясь забыть»), одиноки. Но здесь важен не только сам город, но и «город Соссюра» – система знаков, обретающая смысл через различия, которые, хотя и произвольны, часто трогают до глубины души.

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«Sylvia Ginsberg, Superstar Essays / By Richard Grayson In 1981 I made my paternal grandmother into a superstar. Now you may not recall the famous Sylvia Ginsberg of North Miami Beach, but most of her fellow celebrities of that era—people like Suzanne Somers and Erik Estrada—no longer grace the covers of supermarket tabloids, and they don't have Grandma Sylvia's excuse: she died in November of that year. My grandmother's impending death was one reason I decided to make her into a media star. The day after Thanksgiving 1980, I took her to a Miami doctor who diagnosed a heart aneurysm that would eventually burst and kill her quite suddenly. "How long does she have?" I asked Dr. Reinstein while Grandma was in the other room. We were definitely not going to tell her. "Hard to say," he replied. "Six months maybe. A year at most. Grandma Sylvia hadn't had the easiest life. She'd been in and out of hospitals for more than two decades as she suffered with colon cancer, although repeated surgeries managed to keep her alive. Her arthritis got so bad she could no longer walk—until her deteriorated hips were replaced with artificial ones. She suffered from all kinds of severe pain and sought out treatment from the first doctor licensed to practice acupuncture in New York's Chinatown» [49].	Сильвия Гинзберг, суперзвезда Эссе / Ричард Грейсон В 1981 году я решил сделать свою бабушку по отцовской линии суперзвездой. Возможно, имя Сильвии Гинзберг из Северного Майами-Бич вам ни о чем не говорит, но стоит отметить, что многие ее «коллеги по славе» того времени, такие как Сюзанна Сомерс и Эрик Эстрада, тоже давно не мелькают на обложках бульварных газет. Впрочем, у них нет такого оправдания, как у моей бабушки Сильвии: она умерла в ноябре того же года. Приближающаяся смерть бабушки стала одной из причин, почему я загорелся идеей сделать ее медийной личностью. На следующий день после Дня благодарения 1980 года я отвез ее к врачу в Майами, который обнаружил у нее аневризму сердца. Врач сказал, что она рано или поздно разорвется, и это произойдет внезапно. «Сколько ей осталось?» спросила я доктора Райнштейна, пока бабушка была в другой комнате. Мы определенно не собирались говорить ей об этом. «Трудно сказать», - ответил он. «Может быть, шесть месяцев. Максимум год». Жизнь бабушки Сильвии легкой не назовешь. Больше двадцати лет она то и дело оказывалась в больницах, борясь с раком толстой кишки. К счастью, постоянные операции помогали ей выжить. Артрит прогрессировал до такой степени, что она уже не могла ходить, пока ей не заменили разрушенные тазобедренные суставы на искусственные. Она страдала от сильных болей и даже обращалась за помощью к первому врачу, получившему лицензию на иглоукалывание в нью-йоркском Чайнатауне.

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«She had even brought back from death once, following some internal bleeding in 1972. When I went to her room at New York Hospital a few days later and said I was surprised to see her looking so good, she promptly shot back: “You’re really just surprised to see me at all.” She was not one for mystical near-death experiences featuring blinding light. If she’d seen one, she would have complained that the brightness was giving her a migraine.	Однажды ей даже удалось вернуться с того света после внутреннего кровотечения в 1972 году. Когда я навестил ее в больнице в Нью-Йорке несколько дней спустя и сказал, что удивлен, как хорошо она выглядит, она тут же отрезала: «Да ты просто удивлен, что вообще меня еще видишь!». Она была не из тех, кто любит мистические переживания, связанные со смертью и ослепительным светом. Если бы она увидела такое, то пожаловалась бы, что от яркости у нее началась мигрень. Если бы она и увидела такое, то наверняка пожаловалась бы, что от этой яркости у нее началась мигрень.
In 1977, my grandfather, in a moment of self-directed rage at a stupid play during a poolside pinochle game, suffered a stroke that left his brain damaged after being deprived of oxygen for the few minutes it took paramedics to get to him. Grandpa Nat ended up a near-vegetable in the North Miami Convalescent Home.	В 1977 году у моего деда случился инсульт из-за глупой ссоры во время игры в пинобль у бассейна. В результате мозг деда Нэта пострадал от недостатка кислорода в течение нескольких минут, пока до него добирались врачи скорой помощи. В итоге дед оказался почти в вегетативном состоянии в доме престарелых в Северном Майами.
By the time she was in her late seventies, my grandmother had gone through a lot. But did she complain?	К своим семидесяти годам моя бабушка пережила немало. Но жаловалась ли она на это?
Constantly. She taught me everything I knew about kvetching.	Постоянно. Она научила меня всему, что я знаю о жалобах.
I grew up with a full set of grandparents who lived long enough so that I knew them when I was a quasi-adult. I adored them. Yet both my grandmothers loved nothing better than to sit me down and tell me all the tsuris they’d seen. I sometimes envisioned the following entry in that staple of my childhood Sunday comics section, Ripley’s Believe It Or Not:» [49].	Мне повезло вырасти с полным комплектом бабушек и дедушек, которые прожили достаточно долго, чтобы я успел узнать их уже будучи почти взрослым. Я их обожал. Однако обе мои бабушки больше всего на свете любили усадить меня за стол и рассказать обо всех ужасах, которые им пришлось повидать. Иногда мне казалось, что обо мне можно написать в рубрике «Верите ли вы в это, Рипли?» из воскресных комиксов:

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«“Mr. Richard Grayson of Davie, Florida, had two grandmothers—neither of whom ever had a good day in her life!” But Grandma Sylvia, complainer or not, seemed to me as worthy of media attention as any TV star, socialite or business mogul in a celebrity-obsessed culture. Annoyed with the publicity given the shallow and the superficial, I decided that an ordinary person of substance—even if that substance was bile—deserved superstardom. Grandma Sylvia was ready for her fifteen minutes of fame, even if she didn’t know I was engineering it. The first step, of course, was a slick press release in which I announced the formation of the Sylvia Ginsberg International Fan Club. (I thought the “International” was the crucial touch.) Since my employment at the time was limited to teaching a single course in remedial English at Broward Community College, I had plenty of free time to devote to being president of the fan club. A fan club has got to have a publication, of course, so the press release also announced the forthcoming first issue of Sylvia Ginsberg Magazine, with features such as: “Shocking: Why Sylvia Switched Supermarkets!” Sylvia’s Struggles with the Social Security Administration The Untold Story of Sylvia’s Artificial Hips Sylvia’s Love Quiz: Can You Pass It?» [49].	«У мистера Ричарда Грейсона из города Дэви, штат Флорида, было две бабушки, и ни у одной из них не было ни одного хорошего дня в жизни!» «Но бабушка Сильвия, несмотря на свою любовь к жалобам, казалась мне ничем не хуже, чем любая телезвезда, светская львица или бизнес-магнат в нашей культуре, помешанной на знаменитостях. Меня раздражало, как много внимания достается мелочным и поверхностным личностям, и я решил, что обычный человек, обладающий значимостью – даже если эта значимость выражалась в желчности – заслуживает стать суперзвездой. Бабушка Сильвия была готова к своим пятнадцати минутам славы, даже если она и понятия не имела о моих планах. Первым шагом, конечно же, стал эффектный пресс-релиз, в котором я объявил о создании Международного фан-клуба Сильвии Гинзберг. (Поскольку моя работа в то время ограничивалась преподаванием одного курса коррекционного английского в колледже Броварда, у меня было достаточно свободного времени, чтобы посвятить его президенту фан-клуба. У фан-клуба, разумеется, должен быть свой журнал. Поэтому в пресс-релизе я также сообщил о скором выходе первого номера журнала «Sylvia Ginsberg Magazine», в котором будут опубликованы такие сенсационные статьи, как: «ШОК! Почему Сильвия сменила супермаркет?!» «Сильвия против Управления социального обеспечения: неравная борьба» «Нерассказанная история об искусственных тазобедренных суставах Сильвии» «Любовная викторина от Сильвии: сможете ли вы пройти тест на совместимость?»

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«There was also a contest in which the winner would receive a piece of my grandmother’s famous honey cake (famous mostly because of its dryness). And there was an article ghost-written by me under the byline of my great-aunt, Mildred Cohen, which began:	Также был объявлен конкурс, победитель которого получал кусочек знаменитого медового торта моей бабушки (знаменитого, в основном, своей сухостью). А еще там была статья, якобы написанная моей двоюродной бабушкой Милдред Коэн, которая начиналась так:
“Sylvia is the kind of sister-in-law that everyone loves to visit for half an hour!”	«Сильвия – такая невестка, которую все любят навещать, но не больше, чем на полчаса!»
A bonus feature in the issue was exclusive photos of Grandma getting a flu shot at the board of health.	«В качестве бонуса в журнале были эксклюзивные фотографии бабушки, делающей прививку от гриппа в поликлинике.
My press release extolled my grandmother as “a superstar we can respect. She doesn’t snort cocaine, doesn’t get into fights in bars—doesn’t even go to bars—and never uses drugs, except for arthritis medicine . . . She lives the kind of life millions dream of: driving around, getting her hair done, visiting her husband in the nursing home.”	В пресс-релизе я представил свою бабушку как «суперзвезду, можно уважать. Она не употребляет кокаин, не участвует в драках в барах – да она вообще в бары не ходит – и никогда не употребляю наркотики, за исключением лекарств от артрита... Она ведет жизнь, о которой мечтают миллионы: ездит на машине, делает прически, навещает мужа в доме престарелых».
Two days after I mailed out the batch of press releases, a Miami News reporter called. As I had predicted, the public was hungry for a different kind of celebrity. My grandmother was turning out to be big news.	Всего через два дня после рассылки пресс-релизов мне позвонил репортер из Miami News. Как я и предполагал, публика жаждала новых, «неформатных» знаменитостей. Моя бабушка становилась сенсацией.
The paper wanted a photo of Grandma Sylvia and me, but unfortunately I couldn’t find a suitable one of us together. So I gave them a 1958 photo of my brother Marc and our other grandmother, Ethel Sarrett, and I told them it was Sylvia and I. They ran it on page one, cropping it in the shape of a star. The headline: “Grandson Fans the Flames of Stardom for Sylvia.”» [49].	Газета хотела получить фотографию бабушки Сильвии и меня, но, к сожалению, у меня не нашлось подходящего снимка, где мы были бы вместе. Поэтому я передал им фотографию 1958 года, на которой были изображены мой брат Марк и другая наша бабушка, Этель Сарретт, и сказал, что это мы с Сильвией. Они разместили ее на первой полосе, вырезав в форме звезды. Заголовок гласил: «Внук раздувает пламя звездной славы для Сильвии».

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«For people tired about reading about Jackie O. and Burt Reynolds, here was the perfect antidote: an eighty-year-old great-grandmother living in a North Miami Beach condominium.	Для тех, кому надоели истории о Джеки О. и Берте Рейнольдсе, появилось идеальное противоядие: восьмидесятилетняя прабабушка, живущая в обычной квартире в Северном Майами-Бич.
And so the Sylvia Ginsberg frenzy was off and running.	И вот шумиха вокруг Сильвии Гинзберг начала набирать обороты.
Associated Press picked up the Miami News story and it turned up on front pages in Los Angeles, Minneapolis, and Charlottesville, Virginia.	Новостное Агентство Associated Press подхватило историю из местной газеты Miami News, и она попала на первые полосы газет в Лос-Анджелесе, Миннеаполисе и Шарлоттсвилле, штат Вирджиния.
A number of people sent in their five-dollar membership dues to join the fan club. A Cuban-American woman in Hialeah who owned a printing firm offered to do the fan magazine for free, and we were able to get out the twenty-page magazine by publication date, April 15, Grandma's birthday.	Несколько человек даже прислали свои пять долларов, чтобы вступить в фан-клуб. Кубинка-американка из США города Хайалиа, владелица типографии, предложила напечатать фан-журнал бесплатно, и мы успели выпустить двадцатистраничный выпуск к 15 апреля – дню рождения бабушки.
(Actually, that was the day she and my grandfather celebrated their birthdays. They came from Russia as children and had no idea when their actual birthdays were; they settled on April 15 so they'd remember to pay their income taxes.)	(На самом деле, в этот день отмечали дни рождения и она, и мой дед. В детстве они приехали из России и понятия не имели, когда у них на самом деле день рождения; они решили выбрать дату 15 апреля, так они не забывали платить налоги).
More newspaper stories started appearing. The Miami Herald wanted a photo of me kissing Grandma, and we both complied, although my grandmother always abhorred being kissed. "I have a cold, so don't kiss me," she'd usually say. Sylvia Ginsberg was learning the price of fame.	В газетах продолжали появляться статьи. Газета Miami Herald захотела получить фотографию, на которой я целую бабушку, и мы оба согласились, хотя бабушка всегда терпеть не могла, когда ее целуют. «Я простыла, так что не целуй меня», - обычно говорила она. Сильвия Гинзберг осознала, какой ценой достается слава.
How did my grandmother react to this instant fame? Here's what she told one newspaper:» [49].	Как отреагировала моя бабушка на эту внезапную популярность? Вот что она рассказала одной из газет:

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«“After my husband got sick, I wasn’t doing much of anything. One day Richard says, ‘Grandma, you’re going to be a superstar.’ I said, ‘Richard, I should be a celebrity? What are you talking about?’”	«После того, как мой муж заболел, я почти ничем не занималась. И вдруг Ричард говорит: «Бабушка, ты станешь суперзвездой!» Я ответила: «Ричард, стоит становиться знаменитостью? О чем ты вообще говоришь?»
“My Richard is a wonderful boy for doing it. He’s so brilliant. I told him to get on Tic Tac Dough because he’s so brilliant.”	«Мой Ричард – замечательный мальчик, раз придумал все это. Он такой умный! Я сказал ему, чтобы он перешел на Tic Tac Dough, потому что он настолько гениален».
“And he writes. Oh, he can write.”	«И он пишет. О, как он умеет писать.»
“The only thing I don’t like is his beard. I say, ‘Richard, please take that beard off. You’d look 25 years younger.’”	«Единственное, что мне не нравится, это его борода. Я всегда говорю: «Ричард, пожалуйста, сбрей эту бороду! Ты будешь выглядеть на 25 лет моложе!»
I was thirty years old at the time.	В то время мне было тридцать.
Even those around Sylvia Ginsberg basked in her reflected glory. “I didn’t realize how glamorous she was,” said her next-door neighbor, Teddy Dietz, in a Miami Herald story. “She just seemed like a nice, intelligent woman.”	Даже окружающие Сильвию Гинзберг люди грелись в ее лучах. «Я и не подозревал, насколько она была гламурной», - сказал ее сосед Тедди Дитц в статье, опубликованной в газете Miami Herald. «Она казалась просто милой, умной женщиной».
When my grandmother went into Eckerd Drugs, the pharmacist recognized her and asked for her autograph.	Однажды моя бабушка зашла в аптеку Eckerd Drugs, и фармацевт узнал ее и попросил автограф!
Morry Alter, the human interest reporter from Channel 10 news, called to beg her for an interview.	Морри Альтер, репортер, пишущий о людях и их историях, из Channel 10 news, позвонил и попросил ее об интервью.
“My grandmother has never been involved in a single scandal,” I told the Fort Lauderdale News. “She’ll do for South Florida what Anita Bryant failed to do. She’ll give us a good image—classically elderly, glamorous, yet laid back. And she does have to lay down a lot. When you’re eighty, it’s par for the course.”» [49].	Моя бабушка никогда не была замешана ни в одном скандале», - сказал я корреспонденту газеты «Fort Lauderdale News». «Она сделает для Южной Флориды то, что не смогла сделать Анита Брайант. Она даст нам хороший образ классической пожилой женщины, гламурной, но в то же время спокойной. И ей действительно придется много отдыхать. Когда тебе восемьдесят, это вполне нормально».

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«The fan magazine was only the beginning. I had a great idea for a TV movie, a biopic called “The Sylvia Ginsberg Story: From Minsk to North Miami Beach.” I exaggerated a little and told a Hollywood Sun-Tattler columnist—that’s Hollywood, Florida, by the way—that Sylvia Sidney, who was in Miami performing in a play, had asked for a copy of the script. I thought about a line of Sylvia Ginsberg designer jeans for senior citizens. (“Sylvia’s got the look you want to know better / She’s got the octogenarian look that’s all together / Shopping, kibitizing, day and night / The frail-cheeked look that’s right.”) And maybe Grandma would consent to a bid for public office. After all, the Hallandale Digest called my grandmother “South Florida’s condo queen for the Eighties.” But Grandma Sylvia got tired of celebrity soon enough. As one newspaper story began: Everything was going so smoothly for Sylvia Ginsberg. She spent her days visiting her beautician or her doctor or her husband, who is in a nursing home. Evenings, she would watch Tic Tac Dough, her favorite show, on television. But then her grandson decided that Sylvia Ginsberg should become a superstar. “I’m not up to this, Richard. I’m not up for being a celebrity. I don’t need this,” Mrs. Ginsberg tells her grandson» [49].	Фан-журнал был только началом. У меня была отличная идея для создания телефильма, биографического фильма под названием «История Сильвии Гинзберг: От Минска до Северного Майами-Бич». Я немного преувеличил и сказал корреспонденту газеты Hollywood Sun-Tattler - это Голливуд, штат Флорида, между прочим - что Сильвия Сидни, которая была в Майами, играя в спектакле, попросила копию сценария. Я подумал о линии дизайнерских джинсов Сильвии Гинзберг для пожилых людей. («Сильвия такая, что хочется знать получше, / У нее такой вид восьмидесятилетнего человека, что все вместе: шопинг, кибитки, день и ночь, / Хрупкощекий вид, что надо»). И, возможно, бабушка даже согласится баллотироваться на выборах. В конце концов, газета «Hallandale Digest» назвала мою бабушку «королевой кондоминиумов Южной Флориды восьмидесятых! Но бабушка Сильвия довольно быстро устала от славы. Вот как начиналась одна из газетных статей: У Сильвии Гинзберг все шло как по маслу. Дни она проводила в салонах красоты, у врачей или навещая мужа в доме престарелых. Вечерами она смотрела по телевизору свою любимую передачу «Tic Tac Dough». Но потом ее внук решил, что Сильвия Гинзберг должна стать суперзвездой. «Мне не до этого, Ричард. Я не хочу быть знаменитостью. Мне это не нужно», - говорит миссис Гинзберг своему внуку.

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«“That’s why you should be famous, Grandma,” replies Richard. “You’re the only person in America who doesn’t want to be famous.” The young reporter who wrote this story later called me up to say she’d been expecting to interview a cuddly Jewish grandmother but instead got “someone with the sensibility of an angry, bitter punk rocker.” Grandma Sylvia told the press that she never had a sense of humor, didn’t know how to tell a joke, and wouldn’t appear on Johnny Carson’s show. “It’s too late,” she was quoted as saying. “Who needs it? I go to bed early.” And so the clock ran out on Sylvia Ginsberg’s fifteen minutes of fame. Was I disappointed? Not really. I respected my grandmother more than I ever had because she wasn’t seduced by superstardom. She went about her life once again, although health problems made things increasingly difficult. On Thanksgiving, I picked her up to take her to a holiday dinner at the home of family friends. She’d been bedridden with bad chest pains for a week, but for some reason that day she felt fine. At the dinner she was more friendly and talkative than usual, and she ate heartily rather than just picked at her plate. My brother Jonathan told me he couldn’t remember our grandmother looking better» [49].	«Вот почему ты должна быть знаменитой, бабушка», - отвечает Ричард. «Ты единственный человек в Америке, который не хочет быть знаменитым». Молодая журналистка, написавшая эту историю, позже позвонила мне и призналась, что ожидала взять интервью у милой еврейской бабушки, а вместо этого столкнулась с «человеком с мироощущением злого, озлобленного панк-рокера». Бабушка Сильвия заявляла журналистам, что у нее никогда не было чувства юмора, она не умеет шутить и не собирается выступать на шоу Джонни Карсона. «Уже слишком поздно», - цитировали ее слова. «Кому это нужно? Я рано ложусь спать!» «Так закончились пятнадцать минут славы Сильвии Гинзберг. Был ли я разочарован? Не особо. Я стал уважать свою бабушку еще больше, потому что она не поддавалась искушению стать суперзвездой. Она вернулась к своей обычной жизни, хотя проблемы со здоровьем становились все более серьезными. В День благодарения я заехал за ней, чтобы отвезти на праздничный ужин в дом друзей семьи. Она уже неделю лежала в постели с сильными болями в груди, но в тот день почему-то чувствовала себя хорошо. На ужине она была более общительной и дружелюбной, чем обычно, и ела с аппетитом, а не просто ковырялась в тарелке. Мой брат Джонатан сказал мне, что не помнит, чтобы наша бабушка когда-либо выглядела лучше.

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«I had to leave early. As I said my good-byes and was about to go, my grandmother waved to me from across the room and mouthed the words “I love you.” She had never done that before.	Мне пришлось уйти раньше. Когда я прощался и собирался уходить, бабушка помахала мне рукой через всю комнату и прошептала «Я люблю тебя». Она никогда раньше так не делала.
That night, one year to the day that Dr. Reinstein had given as her maximum life span, Grandma Sylvia died.	В ту ночь, за год до того дня, который доктор Райнштейн назвал максимальным сроком ее жизни, бабушка Сильвия умерла.
Though she may have been in the public eye for a very brief period, Sylvia Ginsberg will always be my favorite superstar.	Несмотря на то, что она была в центре внимания общественности совсем недолго, Сильвия Гинзберг всегда будет моей любимой суперзвездой.
And as she would have said to Erik Estrada and Suzanne Somers: Eat your hearts out» [49].	И, как бы она сказала Эрику Эстраде и Сюзанне Сомерс: «Завидуйте молча!»

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«Steve Jobs Last Words At the age of 56, Steve Jobs died a billionaire. Close family members say that his dying words were “Oh, wow. Oh, wow. Oh, wow.” Whether he penned an essay during the days leading up to his death is probably unlikely, but it is still being debated. What we do know is that Jobs often sacrificed his family to achieve success in business. At one point he went so far as to deny that he was the legitimate father of his daughter, Lisa, surprising on many levels, especially given that Jobs was adopted as a child. Steve Jobs’ Legacy The following is thought to be the essay Jobs wrote in his last days. While its authenticity might be disputed, its profundity cannot be. I reached the pinnacle of success in the business world. In others’ eyes, my life is the epitome of success. However, aside from work, I have little joy. In the end, my wealth is only a fact of life that I am accustomed to. At this moment, lying on my bed and recalling my life, I realize that all the recognition and wealth that I took so much pride in have paled and become meaningless in the face of my death. You can employ someone to drive the car for you, make money for you, but you cannot have someone bear your sickness for you. Material things lost can be found or replaced. But there is one thing that can never be found when it’s lost—Life. Whichever stage in life you’re in right now, with time, you will face the day when the curtain falls» [48].	Последние слова Стива Джобса В возрасте 56 лет Стив Джобс умер в статусе миллиардера. Близкие члены семьи говорят, что его последними словами были «О, вау. О, вау. О, вау». Написал ли он эссе в дни, предшествовавшие его смерти, скорее всего, маловероятно, но этот вопрос до сих пор обсуждается. Мы знаем только то, что Джобс часто жертвовал своей семьей ради успеха в бизнесе. В какой-то момент он дошел до того, что стал отрицать, что является законным отцом своей дочери Лизы, что удивительно во многих смыслах, особенно если учесть, что Джобс был усыновлен в детстве. Наследие Стива Джобса Считается, что это эссе, которое Джобс написал в последние дни своей жизни. Хотя его подлинность может быть оспорена, его глубина не подлежит сомнению. Я достиг высшей точки успеха в деловом мире. В глазах окружающих моя жизнь кажется образцом достижений. Однако, помимо работы, у меня мало радости. В конце концов, мое богатство — это всего лишь факт жизни, к которому я уже привык. В данный момент, лежа на кровати и вспоминая свою жизнь, я понимаю, что все признание и богатство, которыми я так гордился, померкли и потеряли смысл перед лицом смерти. Вы можете нанять кого-то, чтобы он водил за вас машину, зарабатывал для вас деньги, но вы не можете нанять кого-то, чтобы он переносил ваши болезни за вас. Утраченные материальные вещи можно найти или заменить. Но есть одна вещь, которую никогда нельзя найти, если она потеряна, — это жизнь. На каком бы этапе жизни вы ни находились сейчас, рано или поздно наступит день, когда занавес опустится.

Приложение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

Оригинал	Перевод
«Treasure love for your family, love for your spouse, love for your friends. Treat yourself well and cherish others. As we grow older, and hopefully wiser, we realize that a \$3000 or a \$30 watch both tell the same time. You will realize that your true inner happiness does not come from the material things of this world. Whether you fly first class or economy, if the plane goes down—you go down with it. Therefore, I hope you realize, when you have mates, buddies and old friends, brothers and sisters, who you chat with, laugh with, talk with, sing with, talk about north-south-east-west or heaven and earth, that is true happiness. Don't educate your children to be rich. Educate them to be happy. So when they grow up they will know the value of things and not the price. Eat your food as your medicine, otherwise, you have to eat medicine as your food. The One who loves you will never leave you for another because, even if there are 100 reasons to give up, he or she will find a reason to hold on. There is a big difference between a human being and being human. Only a few really understand it. You are loved when you are born. You will be loved when you die. In between, you have to manage. The six best doctors in the world are sunlight, rest, exercise, diet, self-confidence, and friends. Maintain them in all stages and enjoy a healthy life.» [48].	Дорожите любовью к своей семье, любовью к своему супругу и супруге, любовью к своим друзьям. Хорошо относитесь к себе и цените других. Становясь старше и, надеюсь, мудрее, мы понимаем, что часы за \$3000 или за \$30 показывают одно и то же время. Вы поймете, что ваше настоящее внутреннее счастье не зависит от материальных вещей этого мира. Летите ли вы первым классом или эконом-классом, если самолет падает - вы падаете вместе с ним. Поэтому я надеюсь, что вы осознаете: когда у вас есть когда у тебя есть приятели и старые друзья, братья и сестры, с которыми вы общаетесь, смеетесь, разговариваете, поете, говорите о севере-юге-востоке-западе или о небе и земле, это и есть настоящее счастье. Не учите своих детей быть богатыми. Воспитывайте их, чтобы они были счастливы. Тогда, когда они вырастут, они будут знать ценность вещей, а не их цену. Ешьте пищу как лекарство, в противном случае вам придется есть лекарство как пищу. Тот, кто любит вас, никогда не оставит вас ради другого, потому что, даже если есть сто причин отказаться, он или она найдет причину остаться. Существует глубокое различие между тем, чтобы быть человеком, и тем, чтобы быть человечным. Лишь немногие по-настоящему понимают ее. Вас любят, когда вы рождаетесь. Вас будут любить, когда вы умрете. В промежутках вам приходится справляться. Шесть лучших в мире лекарств — это солнце, отдых, физические упражнения, диета, уверенность в себе и друзья. Принимайте эти лекарства и наслаждайтесь здоровой жизнью